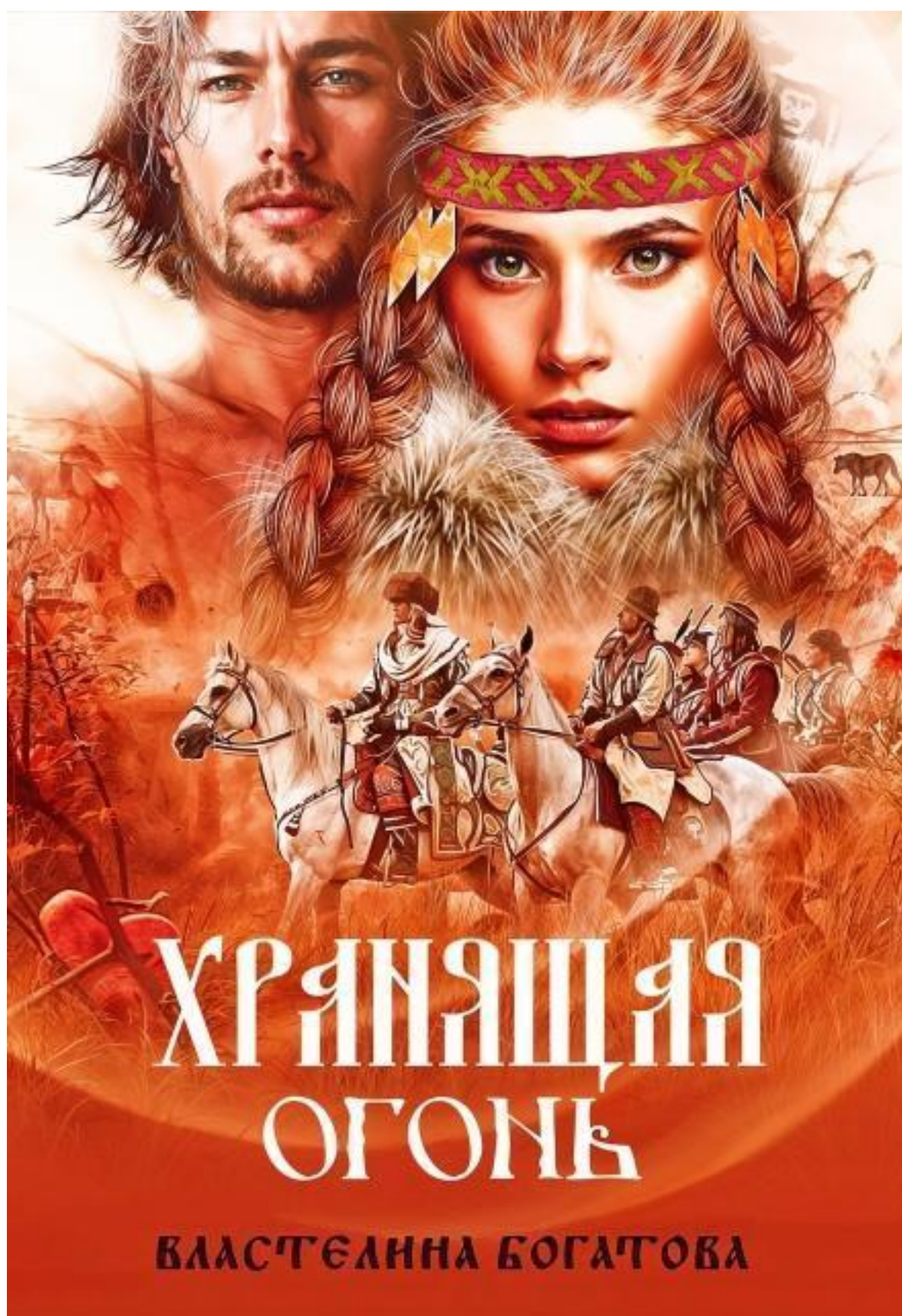

Властелина Богатова

Хранящая огонь

«Литнет»

2018

Богатова В.

Хранящая огонь / В. Богатова — «Литнет», 2018

По своей неосторожности княжна Мирина попадает в плен к степному племени валганов, что угрожает уж много зим соседним княжествам. Забытая всеми, она не надеялась на своё спасение, пока в лагерь к врагам не приехал молодой княжич.

© Богатова В., 2018

© Литнет, 2018

Содержание

Пролог	5
Визуализация сюжетов	8
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пролог

Пролог

Лес проносился по сторонам белыми пятнами, дышал крепким морозом в лицо, опалая щёки. Перед зимним коловоротом — самой длинной ночью — всегда так. Холод сковывает панцирем иней стволы деревьев и морозит до такой степени, что даже лёд трескается на реках, и шука застревает его в толще.

Мирина приостановилась, окончательно перейдя на шаг, чтобы отдышаться, окутывая себя густо паром, согнулась в поясе, унимая распалющийся жар в груди, лихорадочно-болезненно втягивая воздух, жадно и резко, до боли, так что под рёбрами в боках ломило.

Ноги от усталости тряслись и подкашивались, перед взором встала белая пелена, и хоть до темноты ещё далеко было, а в лесу, будто уже смеркалось.

Оправившись от бешеной погони, придя немного в чувство, она разогнулась, хватаясь за обледелый сосновый ствол. Мелкой дрожью тряслись руки, всё ещё тянуло бок, так она бежала долго, пытаясь будто скрыться от тех чувств и того отчаяния, которые врезались в душу когтями, да только перед взором всё ещё видела воедино сплетённые тела, слышала то, что не должна была услышать — в уши даже сквозь шум крови лились сладострастные стоны княгини, раздирая сердце надвое. И такая лютая злость и обида взяли, что защемило в груди, и княжна, не в силах стоять, вновь привалилась спиной к дереву, зажмуриваясь крепко, пытаясь избавиться от подступающего к самым кончикам пальцев рвущего душу в клочья отчаяния.

Не такой хотела она для себя жизни, за что недоля? Мирина никак не могла понять и примириться с тем, и это толкнуло её на отчаянный поступок — покинуть стены крепости и слепо пуститься к лесу.

Девушка огляделась, обводя взором чащобу, покрытые снежными шапками пудовой тяжести ветви елей да сосен. Нет здесь даже звериных тропок, и дорога где-то осталась позади — с неё она сбежала в беспамятстве своём. На миг да кольнула тревога — заблудилась.

Мирина всхлипнула, осознавая, что плачет, но быстро смахнула смёрзшиеся слезинки с холодных щёк, горячность постепенно утихала, и на место её пришла тревога. Такого она и не хотела, да верно лучше сгинуть в лесу, замёрзнуть, чем назад.

Обида жгла, не переставая, нещадно испепеляя сердце, растирая в прах. Нет, в Ровицу она не вернётся, по крайней мере, не сейчас.

Мирина выдохнула, решая да раздумывая, что теперь ей делать. Сначала надо бы дорогу отыскать и выйти к деревне какой, ведь их вдоль рек насажено, что репы в борозде. Вдыхая мороз и заставляя себя собраться, она, поправив сбившуюся накидку и шапку, отороченную куньим мехом, отпрянула от дерева, пошла в ту сторону, где было больше света, сулившего простор.

Проваливаясь по колено в сугробы, едва не теряя сапожки в них, путаясь в подоле шерстяного платья, Мирина прошла несколько сажений да так и не отыскала ни пролеска, ни речушки, лес будто сгущался только, сковывая в своём плену усиливающимся к ночи морозом. И всё больше она ощущала его силу: занемели пальцы, становясь белыми, как снег, и ноги покалывало неприятно. Невольно, а страх всё же настиг, когда ещё через несколько сажений девушка упёрлась в поросшую корявыми соснами с мохнатыми корнями скалу, пластами возвышавшуюся к облакам, утыкавшуюся остриём в тусклое небо.

Пока оглядывала её во все глаза, не сразу услышала посторонние звуки, но даже не это привлекло её внимание, а навязчивое ощущение на себе пристального, пронизывающего насквозь взгляда. Она обернулась да так и остолбенела — под пологом дряхлых древних крон стояли всадники.

Мирина, потеряв дыхание, невольно отступила, оглядываясь по сторонам, да путей отступления не было — позади скала, впереди тати, по сторонам заросли непролазные. Валганов она видела и раньше, часто те наведывались в стены городища, да только вблизи и не доводилось встречать никогда.

В длинных шубах поверх дегелей[1] из железных массивных пластинок, что покрывали плечи и грудь, крепкие тела воинов внушали лютый страх. Но Мирина задержала взгляд на одном лишь, широкоплечем, богато одетом. Плащ с меховым воротом из чёрно-бурой лисицы, изогнутая сабля на поясе с кованой рукоятью.

Он отличался от других и притягивал внимание не только тем, что был сложен мощнее своих соплеменников, но тем, что даже издали Мирина ощутила его жгуче-чёрные, как спелая смородина, глаза, что так жадно оглаживали её. Чёрная борода и усы обрамляли вылепленные будто из глины губы, они растянулись в какой-то хщиной ухмылке, от которой дрожь прошла по спине, упав холодком к пояснице.

Остальные тоже поглядывали, скользя по её стану жадными похотливыми взглядами, от которых ком поднялся к самому горлу, а сердце заныло от скверного предчувствия и одного только представления о том, что они могу с ней сделать. Время растянулось в вечность, наврное, они не ожидали увидеть в глуши лесной девушку и безмолвно решали теперь, что делать.

Мирина первой дёрнулась в сторону, храня надежду ещё сбежать, бросилась через густой орешник. Куда там, колючие ветки вонзились в кожу, царапая лицо и руки, задерживая беглянку, но Мирина от страха и паники не чувствовала ни боли, ни обречения, и, оказавшись в плену зарослей, забилась будто горлянка, запутавшаяся в сетях.

Кто-то из воинов позади неё окликнул, кто-то присвистнул, кто-то засмеялся над безуспешной попыткой добычи сбежать. Но Мирина помалу да продиралась вглубь, пока не смолкли голоса.

Рвя одежду и волосы — шапка её уж давно слетела — услышала сквозь глухое отчаяние неумолимо приближающийся треск сучьев, а потом и грубую брань, исторгаемую устами поимщиков, на непонятном ей языке валганов. Жёсткая пятерня обхватила горло, другая — пояс и рванула назад из пут зарослей, так, что в глазах потемнело и посыпали искры

Мирина задёргалась в железных сильных руках мужчин, пытаясь высвободиться, выворачиваясь и кусаясь, царапаясь, но делала только хуже, когда поимщик, намотав на кулак косу, волок её обратно к скале, так что Мирина уже больше и не сопротивлялась.

Грубый толчок и неловкое падение на колени в снег выбили дыхание из груди. Собирая в кулаках горсти колючего снега, княжна пыталась подняться, да почему-то не выходило то ли от холода, то ли страха, что потряхивал тело, делая его непослушным.

Валганы молча обступили свою добычу. Мирина не поднимала глаз, чувствуя, как болезненно толкается сердце в груди, и видела только ноги в кожаных и войлочных сапогах с железными бляшками. Но заминка была недолгой, её дёрнули вверх, ставя на ноги, и мужские руки принялись бесстыдно и жадно щупать и трогать её там, где им вздумается, вторгаясь под полушубок и платье, грубо щупая самые укромные места.

Жар залил лицо, застлала глаза горячая влага.

— Какая сочная пташка попалась, молоденькая, груди молочные совсем, упругие.

Болезненный щипок вынудил Мирину закусить губы крепко, а слёзы сами собой потекли по скулам.

— Угдей! — окликнул низкий, густой и какой-то обволакивающе-грудной голос. — Довольно.

Оклик вынудил грубые касания прерваться. Тот, кого Мирина выделила из остальных, спешилсЯ упруго. Приблизился неторопливой уверенной поступью, одним взглядом отодвигая собравшихся, вынуждая немедленно выпустить девушку. Вблизи мужчина был просто огромен — скалой грозной возвысился над княжной, затмевая собой свет, задушив пленницу ледяным

взором. Теперь на его лице не было ни ухмылки, ни обжигающей остроты, карие до угольной черноты глаза поглощали, как замшелые топи, какой-то непреклонной беспощадностью, скользили по её лицу задумчиво, вынуждая нутро сжиматься и трепетать.

— Ты одна тут? — спросил, и вопрос вонзился осколком в грудь.

Мирина, подавив подступившее рыдание, кивнула. Тёмные брови под меховой шапкой сошлись на переносице, он с недоверием посмотрел на неё, скользя взглядом по её стану к бёдрам, от чего щёки вспыхнули жаром — никогда никто не смотрел на неё так, даже Вортислав.

Взгляд, медленно щупая каждый изгиб тела, вернулся обратно к лицу, задерживаясь на губах. Стянув перчатку, мужчина вдруг протянул руку. Мирина невольно дёрнулась, но тут же её локоть был сжат пятернёй его сильной руки. Подхватив её светлую прядь волос, он пропустил её через пальцы.

Мирина наблюдала, как в черноте его глаз заплескались золотистые искры, он, снова глянув ей, казалось, в глаза, в самую душу нырнул. Пальцы мужчины коснулись её подбородка, скользнули по губам, погладив кровотокающую ранку. Мирина это ощутила по тому, как защемило лопнувшую губу. Она затаилась, ощущая, как дыхание дрожит, а сердце колотится бешено, неровно, сбивчиво.

Знала, что лучше и не противиться, ощущая угрожающую опасность нутром, да невольно дёрнула подбородком, не в силах терпеть мучительное ожидание и унижение, отвернула лицо, сглатывая клокотавшую в горле тошноту, и тут же поплатилась — мужская пятерня схватила за ворот шубы и рванула так, что ворот платья, врезавшись лезвием в шею, лопнул, а Мирина мгновенно была прикована к его могучему телу.

Не успела она опомниться, как жадные жаркие губы впились в её, сминая, подчиняя, кусая до боли. Мирина, захлебнувшись возмущением, только потом поняла, что кричит, только крики эти задерживались где-то в горле. Насытившись поцелуем, вождь выпустил её, отстранился, схватив за волосы на затылке, вынуждая смотреть ему в глаза. Смоляные, налитые какой-то свирепой необузданной силой, они вонзились в неё, от их пугающего вида внутри Мирины смёрзлось всё, она ощутила, как чернота зрачков утягивает в самую глубину, где было настолько пусто, будто она оказалась на краю пропасти. Губительные, невыносимые, лютые глаза в окружении белого снега, как две чёрные воронки, буравили и утаскивали в эту самую пропасть, не давая иного пути, кроме как ступить в бездну.

— Со мной поедешь. Моей будешь, — только лишь сказал мужчина, обжигая губы девушки горячим дыханием.

Отлепив от неё взор, он отступил, и Мирина почувствовала облегчение, и вместе с ним из недр её заледеневшей было души поднялось неверие в происходящее и гнев, она хотела крикнуть ему в след, что никуда она не поедет, что она княжна, и он не смеет её вот так забрать, да только всё внутри сжалось от осознания неизбежного, что и не в силах была языком пошевелить.

Потому она провалилась, словно в яму, в беспамятство, и ничего не существовало больше вокруг, кроме всепоглощающей безвыходности.

[1] Дегель — пластинчатый доспех типа бригантины.

Визуализация сюжетов

Если, по каким-то причинам, тут не видно картинок, они есть в моей группе

Коллаж 1.

Коллаж 2.

Коллаж 3.

Глава 1

Глава 1

Ночной сквозняк залетал сквозь щель в приоткрытой войлочной поле навеса, неприятно холодил покрывшуюся испариной кожу, оглаживал, как грубые шершавые ладони Вихсара, живот, плечи, лицо, изредка наполняя душно натопленный шатёр хоть и прохладным, но совершенно сухим воздухом.

Мирина поморщилась и сглотнула вязкий и горький вкус с языка - горло запершило. После долгого изнурительного соития в невыносимо жарком плену тканевых стен страшно захотелось пить. Она вяло провела взглядом по освещённым тлевшими углями очага углам шатра, выискивая глазами ушат с водой. Впрочем, он по-прежнему стоял на своём месте, с тех самых пор, как вождь стал таскать девушку в свою постель. Она приподнялась на смятых и ещё влажных простынях, которые липли к коже, но развернуться толком не позволила рука Вихсара - ладонь его свинцовой тяжестью по-хозяйски обхватила девичью грудь. Тёмные руки вождя на фоне её белой кожи казались бронзовыми, они ещё мгновение назад подчиняли и сминали, не давая ни доли отступления и передышки. Мирина с невольной брезгливостью чуть повернула голову, скосив взгляд на раскинувшего рядом голого мужчину, от которого веяло терпким, непривычным для её тонкого чутья запахом горькой полыни и сухого типчака, что забивал воздух, мешал дыханию. Этот запах угрожал и подчинял, заполнял голову и всё окружение, внушая страх, выказывая право обладать всем, что попадало под его влияние. Впрочем, Вихсар, молодой и сильный вождь, уже набравший мощь и влияние, вдвойне усиливал этот напор, корёжил и ломал не только тех, кто слабее, но подрывал уверенность в более опытных воинах. И слава Богам, уснул он быстро, едва выпустив из тисков свою жертву.

Мирина скользнула взглядом по тёмным смоляным волосам, разметавшимся по ярко-бордовой, как маки, подушке. Волосы его липли к низкому лбу и заострённым смуглым скулам, тёмные поросли усов и бородки очерчивали пухлые губы, чёрные, как дёготь, брови хмурились во сне, на висках проступили капли пота. Наверное, он имел привлекательные черты, недаром наложницы грызутся за него каждый вечер и с завистью провожают ту, на которую пал выбор вождя. А в последнее время он не прочь затащить к себе и невольниц, а точнее, именно её, Мирину, что накликало на неё гнев его блудниц.

Подавив поступившее к горлу отвращение, девушка отвернулась. Подниматься поостереглась, пробудится ещё, вновь залезет на неё. Ощущение мучительной угнетённости вытеснило все иные чувства, погружая её в болото. Не ожидала, что после той её первой ночи, проведённой в его постели, он захочет её снова. Тогда она ещё пыталась сопротивляться, кусалась и пинаясь, но в итоге поплатилась. Рубцы только сходили, зудели нестерпимо на плечах, напоминая о жестоком наказании. Это и выбило из неё всякое желание идти наперекор хозяину. В ту ночь вся жизнь рухнула, беззаботное светлое прошлое и сама она рассыпались, как глиняные черепки, собрать которые теперь уже и невозможно. Что толку от такой чаши, не удержишь в ней ничего: ни воды, ни горсти камней.

«Разрушилась», - зло и горько усмехнулась внутри себя. Не из тех женщин с железной волей, не возымела храбрости и духа лишить себя жизни, лишь бы не оказаться в руках чужаков, невольницей в постелях тех, что крушили, разбивали, как богатую, но потерявшую ценность посудину. Для них женщины - просто кусок плоти, с которым можно выместить всю свою необузданную дикую грубость и извергнуть семя.

Вспыхнувшую ярость Мирина тут же залила ледяной водой отчуждения. Зачем напрасно истязать себя? Снова вдохнула тугу. Если ум усмирить могла, то сердце болело. Болело нещадно.

Мирина, зажмурившись, отвернулась к тонкому прозрачному занавесу, что отделял ложе от выхода, присмотрелась, разглядывая в густых ночных сумерках просвечивающиеся сквозь ткань всполохи очага, всем духом отстраняясь от своей боли и несметной тоски по дому, всеми силами прогоняя её от себя.

Прислушалась.

Лагерь спал, только одиноко позвякивали колокольчики у входа, изредка доносились голоса стражников - непонятный, грубый, чуждый сердцу говор. Не привыкла и не успела узнать, да и не пыталась, тая надежду, что ей это и не понадобится, что случится чудо, и её вызволят. Хотя это жарко возгорающееся в сердце ожидание постоянно горсткой пепла оседало на душу, остатками разочарования. Недаром отец твердил - в неволе женщина погибает, становясь под гнётом опаляющего солнца бесплотной твердью, и как бы ни лили дожди, а из камня не прорастёт колоса. Как же прав был он - мир вокруг неё словно вымер, оставляя голые пустынные степи и сухой ветер.

Два раза она устраивала побег, и оба раза её ловили. Что было потом, какое наказание для неё устраивал Вихсар, она решила выскоблить из памяти. Мирина снова бесшумно втянула в себя горький мужской запах, зажмурилась от душащих слёз, но их уже и не было, только скудные горячие дорожки обожгли щёки. Вновь, в который раз корила себя за глупый свой поступок, совершённый ещё зимой. Знала бы, что побег из Ровицы толкнёт её на одну тропу с валганами, осталась бы в стенах княжества, пусть и вышла б за Вортислава, но жила бы себе в своих угодьях и беды бы не знала, пусть и без желания, но добровольно под законного мужа ложилась бы в постель, под сводного брата погибшего отца. А теперь, опороченная, отдаётся врагу, что проливает кровь родного племени, терзая чужих жён в неволе.

Дыхание из груди исчезло, встало в горле сухим терновым узлом, и сердце, задушенное отчаянием, под огненной ладонью Вихсара забилося скупом.

Перезвон колокольчиков отдалённо пускал рябь в помутневшие, тяжело ворочающиеся, давящие на виски мысли. Как бы ни душила боль, а усталость взяла верх над бранным телом, что попользовал Вихсар этой ночью. Угомонилось вскоре и сердце. Мирина не заметила, как провалилась в сумрачное беспросветное небытие, где мутными сгустками тяжёлый водянистый туман скрывал тёмные глубины, увлакивал в бездонную гнетущую пустоту, заволакивал тёмным пологом и разъедающую силы тягу к родным землям, и запах цветущих лугов, и уют дома - всё сокрыл от глаз и сердца. Хотя бы на время перестала она видеть терзавшие душу воспоминания, но теперь она знала запах собственного горя, что въелся в кожу, пропитывая каждый клочок её тела, каждую частичку души.

Проснулась Мирина, когда уже белёсый туманный свет сочился через щели. Воздушной пылью он чертил в сумеречном шатре клинки, что врезались в пол, устланный богатыми узорными коврами, в решётчатые стены, завешенные цветными тканями. Только теперь она видела, какой беспорядок был внутри. Вихсара рядом на удачу не оказалось.

Девушка тяжело поднялась на локти, едва шевеля изнывающим от ломоты телом, затёкшим от неудобного положения, в котором проспала она остаток ночи. И как только пережила эту ночь, да всё то, что случилось с ней, не могла понять. Но вдруг предрассветную тишину молотом раздавил голос Вихсара, прозвучавший за занавесью. Он говорил на своём языке, и ничего в его речи девушка не разобрала.

Сползла с постели - убраться поскорее, пока он занят, пока не задержал её более, подминая под себя, как это бывало много раз.

На цыпочках прошла вглубь, случайно поддев носком ту самую одежду, которую вчера зашвырнул сюда Вихсар. Нагнулась, подняла с пола рубаху, торопливо натянула на себя, чужую

поношенную и потемневшую от времени. Её одежду, шубу богатую и драгоценности вместе с оберегами родных Богов отобрали сразу же, как только она прибыла в лагерь. Расправив помятое, пропахшее дымом платье, что так же она отыскала на полу, натянула на себя, просунув растрёпанную голову через ворот. Быстро разодрав длинные спутанные волосы пальцами, наскоро заплела в косу.

За пологом Вихсар поднялся, его могучие очертания просачивались через тонкую ткань. Крепкий, с развёрнутыми плечами, высок и грозен, будто каменная гора ожила. И прежде, чем ранний гость ушёл, скрывшись за пологом, и вождь распахнул занавес, Мирина, схватив пояс, выскользнула наружу и тут же прищурилась от яркого, невыносимо белого света солнца, что ударил по глазам. Поморгала, привыкая, пока перед ней не развернулся широкий лагерь валганов. Тугим мощным напором, словно порвавшаяся плотина, хлынули на неё звуки и запахи - жизнь продолжалась. Слава богам, Вихсар не окликнул её, позволил уйти, впрочем, он верно и хотел того - выставить её вон, шибко разоспалась невольница.

Ветер ворошил стяги и ткани, лоснящиеся травы. Лагерь утопал в низине, а кругом, куда ни глянь, степь на все стороны, путь, выстеленный метёлками топчак и ковыля, ни дубрав, ни лесов, неизвестно, в какой стороне родной край. Вершух, так называли холмистые дали, что раскинулись вдоль реки Вельи.

Подпоясавшись на ходу, под звериными и смеющимися взглядами стражников Мирина пошла вглубь раскинувшегося на долгие дни задымлённого кострами становища, ощущая липкие взгляды мужчин, будто облапали её со всех сторон потные ладони. Но её они не трогали, в то время как других невольниц воины пользовали, когда им вздумается. Могли и среди белого дня затащить за угол, или ночью, когда спишь уже крепко.

Направившись к женским шатрам, где держали других пленниц, по несчастью угодивших в лапы кочевого племени, Мирина до цели своей не дошла, путь преградили, накрыв тенью, и сразу зябь пробежалась по плечам.

Лоснящееся от гладкости лицо самой старшей наложницы скривилось, выказывая презрение. Остро смотрели янтарные глаза, две тёмные, что сырая земля, косы, украшенные бусинами да подвесками кованными, ужами змеились по груди. Да и убранство - платье с вышивкой, украшения на груди и запястьях - говорило о том, что она была самой желанной Вихсаром среди наложниц. Девушка вдруг занесла руку, и Мирина сдержалась, чтобы не дёрнуться, но взгляд всё же опустила, ожидая удара, а когда вернула, увидела насмехающееся лицо.

- Лахудра, - сказала девка, дёрнув за наспех заплетённую светлую косу. - Когда-нибудь подпалю их.

- Лавья, - окликнула строго наложницу вождя женщина постарше, приближаясь, быстро подбирая подол юбки, - тебя дела ждут.

Лавья бросила злой взгляд на невольницу, отступила, сжала плотно губы.

- Пей, - надсмотрщица сунула в руки девушке чарку мутной жидкости. - Зачастил он тебя. Нечего вымесков плодить, хватает нам ртов.

Мирина приняла, не колеблясь, зная прекрасно, что делают с теми, кто случайно зачат. Не хотелось оказаться под руками повитух, что бросят дитя в яму. Такого она не желала, уж лучше сразу смерть.

Питьё было горьким, сжала горло вязкая тошнота. Пересилив её, невольница выпила всё до дна. Женщина, пронаблюдав за ней, подняла подбородок, оставшись спокойной, всучила Мирине щётку деревянную.

- Бегом чистить ковры.

Мирина безропотно прошла к вороху тряпья, что вынесли другие невольницы для чистки и мытья. Подхватив сразу несколько пыльных скруток, ведро, пошла к водоёму.

Утро было ветренным, но тем не менее ослепительно изливало коло тёплые лучи, оглаживая и лаская. Дни были похожими друг на друга, Мирина даже не заметила, как пришла

весна, одаривая богатым цветением трав, аромат которых так дурманил голову. В её княжестве уж праздники гуляют, закликают весну да жаворонков. Впрочем, раздумывать о том не пришлось долго, работа понемногу увлекла, не давая тоске с новой силой задушить. Под наблюдением сварливой надсмотрщицы принялась таскать воду, выливая на ковры. Подвязала платком волосы от хоть и по-весеннему нежного, но всё же припекавшего солнца, которое в здешних местах казалось ниже и больше. Подпихнув подолы юбок, чтобы не мешались, опустившись на колени, принялась с усердием и силой натирать ворсу.

Другие пленницы так же работали ныне, никому не позволяли переговариваться. Лишь поздним вечером, когда все улягутся спать, была возможность словом обмолвиться, и то не всегда - после тяжёлого труда сил оставалось только доволочить ноги до лавки, а уж ворочать языком и вовсе не было мочи. Были среди девушек и землячки, племени воличи, из коего и сама Мирина родом, да не простая она девка из общины глухой, но о том она не рассказывала, утаила. А теперь, в неволе, казалось, было это будто из другой жизни. Хоть и прошло всего несколько месяцев, а в кровь уж вьелась рабская доля. После ночей с вождем так и вовсе срослась со своей горькой участью. Иногда такое равнодушие накатывало и безразличие, что разница уже и не ощущалась.

Мирина ходила за паласами за день десять раз, и к концу вечера спина рассыпалась, болела поясница - не разогнуться, задубевшие, ставшие грубыми и жёсткими руки словно отсохли, уже не держали ничего, а ведь вымытые влажные ковры ещё нужно было развесить. Поднимать их было тяжело, спина совсем взмокла. Тряслись руки. Когда подтягивала ковёр, края вдруг сами собой выскользнули, и, не устояв на скамье, Мирина повалилась с неё, невольно уцепившись за края ковра, сорвала его. Верёвка не выдержала веса, лопнула, и тут же на песок рухнули вымытые ею за день остальные ковры.

- Ах ты криворукая дрянь! - взвизгнула старшая женщина, взярилась.

Как она оказалась рядом, Мирина и заметить не успела, лишь только сжалась, едва женщина хлестнула её кнутом по спине, но как бы ни готовилась, а спину полоснула боль.

- Хайна! - вылетел откуда ни возьмись, как ворон, вождь.

Мирина вздрогнула от гроыхнувшего, что гром, голоса Вихсара.

- Ковры все попортила, - усмирилась женщина тут же, преклонив низко голову, пряча пылающие гневом глаза, не смея глядеть на хозяина.

Вихсар цапнул взглядом сжавшуюся на земле невольницу, подступил к растерявшейся женщине, вырвал кнут из её рук, подпёр её подбородок, посмотрел ей в глаза. Сказал что-то. Мирина не разобрала, но лицо женщины вытянулось и побелело, превратившись из медно-золотистого в бледно-ореховое. Вихсар, больше не глянув на Мирину, обогнул женщину и широким мощным шагом пошёл прочь. Старшая, очнувшись, зло сощурила глаза. Мирина только теперь заметила, что из-за полога кошмы выглядывает Лавья, а значит, покоя ей этой ночью не ждать, и заступничество вождя, крайне удивившее девушку, обернётся ей боком. Но Мирина не боялась ничего, она вытерпит, не впервой. Скомкав в кулаках подол платья, не отвела прямого взора от старшей, не кинулась к ногам целовать ступни и молить о пощаде, и та посчитала это за вызов, а значит, придётся туго.

Женщина, спесиво встряхнув косами, что падали из-под платка, закрученного вокруг головы, пошла прочь.

- Сильно ушибла? - услышала Мирина нежный голос Малки.

Рыжекосая зеленоглазая девушка помогла подняться с земли. Мирина улыбнулась ей коротко.

- Ничего, пройдёт, - ответила, хотя спина горела так, будто в рану песка насыпали.

- Теперь беды ждать, видала, как на тебя зыркнула ведьма проклятая?

Мирина, вытерев взмокшие ладони с налипшим песком о подол, глянула в сторону наблюдавшей за ними Лавьи.

- Ничего, ещё посмотрим, чья возьмёт, ещё живы пока, - повысила голос Малка.

- Тише. Ни надо, Малка, не говори ничего, - прошептала Мирина, осматриваясь и столкнувшись взглядами с другими наложницами, что выбежали поглазеть. Вот же недоля!

- Мне плевать! - взъерепенилась девушка, и в глазах её Мирина увидела плескающийся обречённый гнев. - Скоро раздавят их, как ужей, подушат воличи.

Мирина, не зная, что сделать, чтобы девушка замолкла, смотрела на неё со страхом. Малка всех пленниц на уши поставила этой вестью, что якобы идёт на Вершух сама княжеская дружина Вяжеслава, только дни проходили за днями, а воины так и не появлялись. Хоть разбирала Малка вражью речь, жила в логове их уж больше года, да только могла и спутать что.

Глава 2

Глава 2

Ветер к полудню поднялся сильный, рвал траву, хлестал по спине, выдёргивал из рук воинов кошму, не позволяя натянуть на поставленные оси для шатров. Три дня пути - и дорога, наконец-таки, привела к узкой пойме Вельи, к крутому берегу, поросшему кустистым можжевельником. Дёрн здесь был плотным, что не воткнуть и колышка. Стройная, с плавными изгибами, река, словно скромная девица, пряталась вдалеке, протискиваясь через каменистые берега. Здесь и встала княжеская дружина, прямо под боком недругов, что расселились, по словам дозорных, вёрстах в десяти от выбранного отрядом места. Теперь ещё две ночи околачиваться у берегов вражеских земель, а значит, сна спокойного не будет. Хотя и не шибко буйствует племя валганов, а подпирает с одного края, врезаясь в границы занозой, вроде и забываешь о пустяковине, а нет-нет да кольнёт неожиданно. И заноза может целой бедой обернуться коли не выдернешь из-под кожи вовремя. Вот как нынешней весной, не ждали напасти, а она пришла. И всё из-за того, что хан Бивсар над племенем валганов своего старшего сына дела вершить поставил, а тот, ясное дело, по горячности да молодости шибко размахнулся да позарился на то, что ему и отроду никогда не светило - потеснить воличей. И как бы ни злила его дерзость, а княжичи не с мечом едут к нему, так же, как и не с миром, а посмотреть сперва, что да как, чем Вихсар, новоиспечённый вождь валганов, дышит, да дать понять, что шутики плохи с братьями княжества Явлича, сынами князя Вяжеслава, правителя воличей, коли тут не подрубит свои корни, что тянутся туда, где им не место. Да не только посмотреть, а и сказать, что позволять вольничать не собираются, и коли что, узнают валганы, с каким мощным племенем собираются вражду вести. И так вон много сил ушло на одно только то, чтобы посадских усмирить. С приходом валганов те подняли такую бучу, что прямо на площади у храма - места святого - едва бойню не устроили со спора горячего.

Ветер опять хлынул по молодой траве, заиграв тенями, рванул полы плащей, снова выхватив полотна из рук, чем вызвал громкую брань мужчин. В поле голом - это не в ворожеских лесах, прятаться негде как от стрел недругов, так и от непогоды, которая здесь шибко неприветливая. Арьян, шутившийся от потока ветра, вынырнув из раздумий, обвёл взором изумрудно-махровые в багряном цвету воронцов берега, поворачиваясь к становищу. С горем пополам шатёр был поставлен, разожжены костры, над которыми уже готовилась зайчатина да дичь, воины времени своего не теряли, были заняты каждый своим делом, чтобы потом хоть ненадолго без забот отдохнуть с пути. Несмотря ни на что, мужская ватага взбодрилась, воины смеялись и шутили, а когда понёсся по просторам запах съестного, стали собираться, словно рыба на прикорме, вокруг кострищ.

Арьян, оглядев окрестности, вернулся к остальным, отдал распоряжение воеводе и десятнику, отправился напрямик в поставленный для братьев шатёр, чтобы смыть с пути пыль да пот, нырнул под полог, пригибаясь, погружаясь в тишину да полумрак, расстёгивая ворот налатника, высвобождая горло и грудь. Задышалось полнее. Но вдруг замер, обведя взором пустующее укрытие, развернулся и вышел обратно, оглядел становище, но так и не выискал среди кметей брата.

- Где Данимир? - окликнул он Митко, младшего помощника, что развешивал просушивать от сырости плащи.

Арьян ещё раз скользнул взглядом по воинам, находя и воеводу Радьяра, и десятника Векулу, но только не младшего княжича.

- На реку пошёл.

- С кем?

- Так один, княжич, - ответил парень, виновато пожимая узкими плечами, смахивая рыжеватые вихры с лица.

Арьян, бросив плащ, который всё ещё держал в руках, на плечо отрока и едва не свалив того тяжестью, широким шагом направился в сторону реки. Утопая в траве по колено, вышел к руслу, где каменистый берег обрывался резко, а до воды была где-то косая сажень высоты. Данимир, завидев старшего княжича, широкими размашистыми гребками поплыл к берегу. Арьян подал руку брату, обхватывая крепко его холодную, как у болотника ладонь, помогая тому взбежать на берег. Младший как нарочно тряхнул мокрой головой, разбрасывая ледяные капли. Арьян скользнул взглядом по серебристой глади - не мешало бы ему самому окунуться, да только с детства, как едва не утонул, опасался воды. Правда с взрослением позабылось всё, и вполне плавал, да только в своих реках, не в чужих.

Данимир поднял на брата чуть насмешливые зеленовато-серые глаза, видя, как старший княжич хмурится, но говорить ничего не стал, знал, что уколоть тот тоже может, да так, что обижался в итоге всегда младший. Сейчас Данимир сильно был похож на матушку, что ушла в светлые чертоги вырия ещё прошлой зимой. Невольно пробуждал он в сердце острое, как игла, чувство утраты вместе с какой-то глухой тоской. Светлые, как и у самого Арьяна, ровного от природы орехового цвета волосы сейчас закручивались кольцами, капала беспрерывно с них речная вода.

- Уйдут, как только заявим, что чужого брать не стоит, - сказал Данимир, шагая наравне с братом.

Арьян посмотрел на княжича задумчиво. Хоть разница в возрасте только чуть больше года, а всё же разные они были. Не переставала удивлять беспечность Данимира - тому и по жизни всё легко давалось, и прощалось всё в детстве быстрее за разные проказы. И отдувался за него всегда Арьян, даже когда и виноват был младший.

- Я бы не стал на то надеяться, Данимир. Смотри, не ляпни чего лишнего. Нам такие враги не нужны, в рознь они, что мухи, слабы, но стоит собраться...

Данимир свёл брови, а потом вдруг улыбнулся широко, и Арьяну вовсе не понравилась его ухмылка, и знал, что за ней скрывалась затея шальная.

- Как скажешь, - отмахнулся он, смотря под ноги, подумал, а потом продолжил: - Говорят, у них женщины горячие, как угли.

Данимир когда видит подол юбки, сразу ум теряет, и работать начинает то, что в разговорах вовсе не поможет. А о том, что женщины валганов обольщать могут не хуже дев речных, что заманивают в тёмные омуты, Арьян знал хорошо. Да и не только валганки, а все женщины. Они же, как пламя костра, вроде и греют, а стоит приблизиться, не только руки обжечь можно, но и сгореть дотла. Потому Арьян уяснил для себя две истины: не погружаться в воду целиком и не приближаться к огню слишком близко.

- Ты, я смотрю, только за тем и едешь, чтобы валганку в тёмные кусты затащить? Смотри, как бы тебе углей в штаны не насыпали, - пришёл черёд Арьяна широко улыбнуться.

Данимир усмехнулся, качнул головой, натягивая рубаху на подсохшее на ветру тело, заиграли бесовские огоньки в его ясных с купания глазах, будто уже мыслил, как то станет исполнять.

После трапезы были долгие посиделки да разговоры, пока не вернулись посланцы, что уехали задолго до того, как ватага остановилась на берегу. Вернулись с вестью о том, что Вихсар ждёт княжескую свиту у себя на становище и с уважением примет княжичей. Долго собираться не стали, опоясавшись оружием да заковав снова себя в броню, оставив в лагере десятника вместе с отрядом опытных воинов, чтобы на случай чего часть за подмогой бросилась, а другая - на выручку, покинули берег.

Когда путники достигли становища, уже сгустилась ночь. Холмы расступились, открывая тонущий в свете костров лагерь недругов. Десяток шатров раскинулся у небольшого водоёма, берег которого кутался в серебристую дымку, что стелилась по водной глади, поглощая красноватое отражение отблеска нарождающегося месяца.

Арьян обернулся, окидывая единым взглядом своих людей, внушая им спокойствие и в тоже время готовность к самому неожиданному исходу. Но того не требовалось, лица их и так выражали недремлющее сосредоточение. Только расслабленный вид Данимира рушил всю серьёзность происходящего. И с ним Арьян ничего не мог поделать, разве только в очередной раз вспомнить отца, который стоит на том, чтобы сыновья были вместе и все дела вершили в согласии.

По мере приближения стал слышен шум лагеря. Стражники числом в два десятка встретили ватагу хмуро и неприязненно, но, не смотря на враждебность, что стыла в их глазах, позволили отряду въехать свободно в самую сердцевину становища. Проезжая под напряжёнными взглядами валганов, оглядываясь по сторонам, Арьян заметил среди собравшихся и женщин, которые, едва только въехали воличи, попрятали за платками свои загорелые, обласканные ветрами круглые лица и сами исчезли за пологам. Однако всё же любопытство заставляло их выглядывать из укрытий, и они румянились, едва напарываясь на цепкие взгляды княжичей. Девушки валганов были похожи между собой и отличались лишь тем, что некоторые были полнее, а другие, напротив, худощавее. И одежды вроде одинаковые, а всё же, если приглядеться, на одной больше вышивки и украшений, чем на другой. Горящий и голодный взгляд Данимира блуждал по лагерю, выискивая самых сочных. И глаза, как бы того не хотелось Арьяну, ему не завяжешь.

Княжич оглядел мужчин. Те были облачены в длинные цветастые кафтаны без петель, на запах, и в меховые шапки, на поясах висели кнуты да изогнутые клинки в кожаных ножнах. Валганы расступились, пропуская вперёд рослого широкоплечего воина - судя по всему, это и был вождь Вихсар. Тёмные, как колодцы, с холодным блеском, глаза смотрели на пришлых неподвижно и стыло, и в то же время плескалась в них сила и молодость. Одет он был богаче остальных, в расшитый кафтан, поверх кожаный налатник, отороченный кунным мехом, кинжал на поясе с окованной серебром рукоятью, такой же гнутый клинок, только из стали редкостной, на шее связка амулетов из костей да железа, в тёмных, длинных, до плеч, волосах поблёскивали бусины. С обеих сторон вождя обступили не менее внушительные мужи - его ближники. Отсветы костров и факелов на длинных, воткнутих в землю крепежах мазали по бронзовым хмурым их лицам бликами, чертили резкие тени, дела лица хищными.

Спешившись, Арьян вместе с Данимиром и воеводой приблизились к свите. Некоторое время смотрели друг на друга напряжённо, изучающе. И как приветствовать тех, с кем дружбу не вязали и вязать не собираются?

- Не ожидал приезда в столь скромное своё прибежище столь важных гостей, - начал первым вождь, сокрушая воздух, раздувая узкие ноздри, прищуривая дегтевого цвета глаза, глядя остро, и не поймёшь, что у него на уме творится.

Арьян заметил, как Данимир пошевелился, посмотрев коротко на закаменевшего брата.

- Как же не навеститься к столь редким гостям, что остановились близ княжества Явлич, - проговорил младший княжич, забирая право речи вести, молвив вперёд старшего.

Впрочем, Арьян сказал бы куда более резко, нежели это сделал Данимир.

Вихсар настороженно обвёл взглядом братьев, а потом вдруг дёрнулись в короткой усмешке губы, он обернулся на своих ближников, переглянувшись с ними. Данимир перевёл взор на Арьяна, мелькнуло и тут же пропало в нём беспокойство.

- Коли так, - повернулся к княжеской ватаге вождь, - милости прошу к моему очагу, - он широким жестом пригласил в шатёр, что был среди остальных самый высокий и просторный.

Арьян разжал пальцы, только теперь осознавая, как твёрдо до того мига сжимал рукоять меча, перевёл дух и шагнул первым в сторону входа. За ним последовал и брат. Радьяр вместе с кметями остался снаружи. Внутри, как оказалось, было светло, в задымлённом оранжевом свете горел очаг, в лицо пахло терпким запахом трав, что оседал на язык каким-то песком. Прислужники, клоня головы и прогиная спины, отползли к самым дальним углам.

Убранство было богатым: расстелены на земле ковры, змеились золотом и серебром по тканям узоры так, что зарябило в глазах и заслезилось. Арьян прошёл вглубь за вождем, который опустился в ворох шёлковых и бархатных подушек и тюков.

- Прощу, - указал он на места рядом с собой.

Только расселись у огня, как тут же поспешили прислужники, поставив перед гостями низкие деревянные столики на коротких ножках. И всё же, хоть шатёр и большой, но было тесно, и Арьян, усевшись, чувствовал себя медведем в берлоге, неповоротливым сделался. Данимир, напротив, как дикий кот, скользнул на пол, скрещивая ноги. Вихсар с ухмылкой плавно опустился напротив братьев. Теперь вид его был более мягок, или это казалось от игры света, что окутывал тягуче каждый предмет и посуду диковинную, вытянутую, из серебра и бронзы, и ткани.

- Наслышаны мы, что Бивсар недужит, - проговорил Арьян, сцепив руки в замок.

Взгляд Вихсара будто опрокинулся внутрь себя, он опустил взор, взял наполненную слугой чашу.

- Слухи не врут, - он приподнял посудину, призывая гостей выпить с ним.

Арьян от того оказываться не стал, дабы не быть непочтительным, принял налитую до краёв бордовой, как кровь, жидкостью чарку, поднёс к лицу, вдохнув сладковато-кислый запах, узнал вино из черноплодной рябины. Данимир последовал его примеру.

- Что ж, множество лет пусть даруют боги Бивсару, - сказал Арьян, уж как бы ни кривилась от вынужденной лести душа, отпил, вино тут же обволокло горло, согрело. Княжич взял сушёных абрикосов, положил в рот.

Повисло молчание.

- А я слышал, что князь Вяжеслав отходит от своего стола княжьего и передаёт его в руки старшего сына.

Арьян переглянулся Данимиром. И в самом деле, именно так, и не потому, что пришло время, а потому, что после ухода княгини отец всё больше отрекался от дел да в храм зачастил - изъела его тоска. Прислужники принесли курильни, поставили поле гостей одну, а другую - подле вожды.

Затянувшись через трубку дымом, Вихсар подал знак слугам. Один из них тут же оказался рядом, склоняясь к хозяину, вождь тихо что-то велел, тот послушно закивал и быстро удалился. Вихсар пустил густые клубы дыма, сощурился, которые мгновенно стали водянистыми и блуждающими. Сколько бы Арьян ни пробовал мокрого табака, а всё не нравилось ему - дым, от которого дуреет голова, а тело становится вялым и размягчённым, как у старика. Всё же втянул его глубоко в грудь, в голову тут же ударила кровь, прошибая ум, поплыли лениво мысли.

- За мирную встречу мы с братом благодарны тебе, - начал Арьян, переходя к делу. - Но знаешь же, что с твоими отцами наши отцы воевали.

- Знаю, княжич, что приехал ты не для того, чтобы вести душевные разговоры. Но и на земли твои я не ступаю, зря вы затревожились, - сузил до щёлок глаза Вихсар.

В них блеснула насмешка, или мерещится уже от доли дурманного дыма, но кулаки Арьян сжал.

- Пребывай здесь сколько пожелаешь, главное, чтобы народ не трогал и вреда ему не чинил, глядишь, может, и забудется старая вражда.

Вихсар, отняв трубку от рта, усмехнулся в чёрные усы.

- Нет, княжич, не забудется никогда пролитая кровь в землю, которую мы, благодаря тому, топчем до сих пор.

Напряжение повисло, и прервал его Данимир, который то ли нарочно поперхнулся, то ли затянул много дыма в себя.

- Но я не против попробовать изменить традицию, княжич Арьян. Мы должны быть мудрее своих предков, - откинулся хан на подушки вальяжно.

С улицы внезапно послышалось сначала тихое, а потом и ритмичное постукивание в нагару, затем отозвалось биение другого, полился непрерывный звук, что проникал вместе с дымом и сладким вином в кровь, в самое нутро. Вихсар улыбнулся.

- Ныне вы мои гости, пейте, отдыхайте вместе со мной, несмотря ни на что, я рад, что вы здесь.

Сразу после его слов откинулась пола навеса, и в задымлённый шатёр вплыла женская фигурка, а за ней и ещё одна. За ними вошли и играющие в нагары мужчины, размещаясь у входа. Вихсар довольно оскалится, наблюдая, как девушки ступили босыми ногами по цветастому ковру. Краем глаза Арьян проследил за Данимиром. Тот, отложив трубку, вперился ошалелым взором в наложниц - он-то такого ещё не видел. Не знал, насколько те могут быть изящны и вместе с тем ядовиты. Арьян то познать успел, в отличие от брата, который пожирал взглядом полуголых, в украшениях, валганок, на бёдра коих были накинuty лишь полупрозрачные воздушные ткани, что струились к полу, легко вспархивая при малейшем движении. Впрочем, танец их завораживал, беря во власть мужские взгляды, разжигая похоть, пробуждая не самые скромные желания. На то, как плавно и грациозно перетекают формы женского тела, словно вода или горячий воск в руках, можно было смотреть бесконечно. Слишком скорого в штанах стало тесно. Извиваясь под удары ладоней о натянутую кожу нагаров, валганки продолжали свой танец, тёмные волосы, украшенные серебристой паутиной драгоценностей, скользили по спинам, по плечам, вздымались и опадали пышные белые груди, стиснутые вышитыми золотистой нитью чашечками. Одна из них, неподвижно смотря на Арьяна, подступила, опустившись на колени перед гостем. Обдало пряным и сладковато-тягучим ароматом цветов. Дрогнули в янтарных глазах девушки огни, томно заблестели под заволакивающими тенями ресниц, взбудоражили, беря в плен. Проведя узкой ладонью по своей упругой груди и плоскому, мягкому животу, девица подхватила чашу с остатками вина, пролила себе на шею и, снова прильнув к мужчине, окутав водопад смоляных волос, вынудила собрать оставшиеся капельки с кожи губами. Вихсар со спокойной заинтересованностью наблюдал за действиями наложницы, в то время как другая обхаживала совсем потерявшего ум младшего княжича. Рука валганки слегка коснулись его щеки, мягкие маленькие губы оставили влажную дорожку на шее, вгоняя Арьяна в душную тесноту, туго и быстро забухала вместе с ударами музыки кровь в висках, он и не сумел ничего осознать, как почувствовал, что ладонь девки скользнула под полу кафтана, опускаясь на отверделые чресла. Арьян мгновенно перехватил её руку за запястье и тут же выпустил, ощущая, как напрягся вождь.

Девица поняла, что продолжать не стоит, отстранилась, остро оцарапав его тёмным, полным желания и какой-то обиды взглядом. Она поднялась и прошла к Вихсару, покачивая бёдрами, встряхнув длинными шёлковыми волосами, перекинула длинную ногу через мужчину, опустилась на колени вождя, обхватив его тонкими руками за шею, вынуждая своего гонителя пожалеть о решении. Хан, в свою очередь, смял её мягкие голые ягодички, чуть раздвинув, усаживая её на свои чресла плотнее, наложница томно и призывно выгнулась тетивой в его стальных руках, откидывая голову, подставляя полные груди губам хозяина. Вихсар рванул тесьму на плече, оголяя грудь с тёмным и напрягшимся соском, сочно вобрал в себя твёрдую горошину. Издав стон, девушка пронизала пальцами его волосы. И стало совсем горячо от поднявшегося ураганом желания, от чего в груди Арьяна и вовсе исчезло дыхание, а ткань штанов совсем натянулась, вздулись от напряжения вены на руках. Арьян глянул на брата. Кадык

Данимира судорожно ходил, княжич сглотнул, наблюдая за страстными ласками. Эту встречу он запомнит на всю жизнь.

Вихсар собрал волосы наложницы в жилистые кулаки, склонил девицу к себе, шепнул что-то на ухо, та, изогнув чувственные губы в скользкой улыбке, явно пряча какой-то замысел, коротко глянула на Данимира и снова спрятала горящий блуждающий огонь в тених ресниц. Поднялась вдруг и так же плавно, как ладья на волнах, скользнула к младшему княжичу, от неё веяло сшибающий разум привлекательностью, плавные движения тела вызывали только влечение густое, вязкое, наполняющее голову туманом, как от сладкого табака. Арьян проследил, как под воздушными юбками мелькают босые ступни. На щиколотке одной ноги мерцало в свете очага украшение. Другая девица отползла, не мешая, принялась наливать в чаши ещё вина. Затихшая было музыка вновь взволновала воздух и кровь. Арьяну только и осталось наблюдать, как потерявший от такой красоты ум Данимир заворожённо и голодно смотрел на колыхающуюся от шага обнажённую грудь наложницы. Девушка опустилась на колени Данимира, огладив его плечи, пронизала тонкими пальцами волосы и, сверкнув взглядом - что ножом уколола - на Арьяна, впила в губы Данимира, сжав его бёдра крепкими мускулистыми ногами, принялась ловко распахивать его одежду, запуская руки под рубаху, развязывая тесьму портов, высвобождая восставшую в готовности плоть. Чуть приподнялась, обхватывая лицо Данимира в ладони, чувственно целуя в губы, сказала сладким голосом:

- Я сделаю тебе приятно, княжич, - качнула бёдра вперёд, мерно задвигалась, принимая мужчину в себя.

Данимир, обхватив пальцами пояс девушки, насаживал на себя распутницу, закрыв в блаженстве глаза.

Арьян отвернулся, подхватил чару, припал к вину, стараясь предельно не обращать внимания на то, что происходило на расстоянии вытянутой руки. Глянул поверх чаши на вождя. Вихсар наблюдал с расслабленным удовольствием за происходящим действием. Приём устроил он знатный, с этим оставалось только смириться и ждать. Впрочем, ждать было, как оказалось, не так долго, потому что дыхание сплетённых рядом тел стало обрываться стонами, а движения стали резче.

- Ваши женщины, как мне известно, очень скромны, и нужно постараться, чтобы разжечь в них огонь, - произнёс Вихсар, отрывая взгляд от разгорячившихся любовников.

- Кому женщины для любовных утех, а кому и вместилище души, и хранительницы очага, и если распяляешь, то нужно постараться, чтобы не сожгла всё кругом, - ответил Арьян, хмелея.

Вино становилось из сладкого терпким, драло горло, развязывая язык, и сам княжич удивился своим словам.

Вихсар усмехнулся. Девка наконец-таки обмякла на время, повиснув на шее младшего княжича, поднялась, распалённая и разгорячившаяся, снова прошла обратно к хозяину, приластилась рядом у его ног, словно кошка. Вождь погладил её по раздумавшейся щеке, и напомнила она сейчас Арьяну куклу бездушную, безвольную, послушную в чужих руках. Уйдёт молодость и красота, и ничего больше не останется, только одиночество и боль о былом.

Данимир, всполошённый и изрядно вспотевший, оправлял подрагивающими пальцами кафтан, вид его теперь, после случившегося, был хмурый и изнеможённый, и на Арьяна он не глядел, впрочем, знал, что поступок его тот не одобрит, хоть ему и деваться было никуда. Если Арьяну с рождения далась выдержка, то Данимира длань, наделяющая силой воли перед женским телом, обнесла стороной - брат всегда непрочь предаться плотским утехам.

- И какая же тайна ваша, чтобы женщина принадлежала не только телом, но и душой? Я знаю, что многие лишают себя жизни, потерявши мужа, - заинтересованно приподнял бровь Вихсар.

Арьян прищурился. К чему вождь задаёт такие вопросы?

- Нет никаких тайн, разве только дать почувствовать ей себя рядом с тобой богиней, дать волю расправить крылья, - ответил он словами отца.

- Но знаешь, - подумав немного, добавил Вихсар, - она тем и приманивает, своей недоступностью, борьбой в глазах, это даёт сил мужчине. Когда женщина смиренна и покорна, с ней уже не хочется, - он погладил по волосам наложницу, заковал узкий подбородок между пальцами, вынуждая ту смотреть на него.

Девушка теперь дышала ровно, спокойно.

- Но вижу, это и понравилось твоему брату, - улыбнулся он. - А чем же тебя не устроила? Разве я не прав?

Арьян, глянув на Данимира, выдохнул резко. Другая девушка тоже уселась рядом с хозяином на подстилке. Она была более молодая и верно опыта своего ещё не набрала, в то время как первая знала толк в любовных утехах.

- Почему же не понравилась? - ответил Арьян. - Твои женщины красивы и изящны, но моему вкусу сложно угодить.

- Так выбирай любую.

Даже нагары стихли от произнесённого предложения. Арьян вытянулся, глянув на девушек, которые явно были озадачены и взволнованы таким исходом. Вихсар оставался серьёзным и верно не шутил.

- Я знаю, что жены у тебя пока нет, не понравится, можешь прислать обратно, - добавил он.

Арьян глянул на Данимира. Брат заметно приободрился, скользнул на него диковатым шальным взглядом, видно сильно вино в голову ему ударило.

- Пусть Данимир выбирает, он сполна оценил твоих женщин, - бросил Арьян.

Всё меньше ему нравилась эта затея - приехать в становище валганов. Не хватало ещё и баб в дорогу брать.

- Молодой княжич может сделать выбор, - разрешил Вихсар, а Арьян всё никак не мог понять, зачем вождь это всё делает. Неужто наскучили ему наложницы, или новых решил взять, избавившись от этих?

- Её, - кивнул Данимир на ту самую, что миг назад так бесстыдно оседлала его. Впрочем, старший в нём и не усомнился.

- Лавья, - назвал вождь имя девушки, - её зовут Лавья.

Лицо другой девицы явно потускнело, а глаза как будто выцвели, вперились ими в пол, только и видно, как сжались её губы, и не потому, что с вождём той было плохо, верно каждая девица хочет быть самой желанной, первой, единственной. Лавья расправила плечи, бесстыдно глянула, только не на молодого княжича, а на Арьяна, будто это не Данимир, а он выбрал её.

- Забирай, - поднял чашу Вихсар, припадая к питью.

В шатёр вошли слуги, прерывая разговор, на широких подносах внося запёкшегося на углях вепря. От туши струился ароматный дымок, наполняя помещение запахами копчёностей и душистых трав да перца. Больше вождь не упоминал о женщинах, и разговор потёк в другое русло и больше о пустяках. Время потянулась густой клейкой смолой, в которой голова становилась тяжёлой от выпитого, а тело - неповоротливым от съеденного. Впрочем, Арьяну вовсе не хотелось принимать угощение из рук врага, но ничего не попишешь, коли с миром принимают, отказываться от гостеприимства и пытаться всё сгладить было куда сложнее. Проще высвободить меч из ножен, подставить к горлу неприятеля и дать ясно понять, что коли прольётся ещё кровь, не выйти им отсюда на своих ногах, выплеснуть весь накопившийся гнев да расставить границы. Но проще не значит лучше.

Мысли путались всё сильнее с каждой выпитой чарой. Потом снова лилась музыка, танец дев, мелькание цветастых юбок, голые ноги... чьи-то жаркие губы на своей шее Арьян чувствовал, одурманенный запахом женского тела. Только когда позволил себя ласкать наложнице,

понял, насколько пьян, и верно в седло ныне ему не подняться, дым табака растворял и поглощал все мысли. Там остались его люди на берегу, снаружи воевода с дружиной, но как бы ни брало беспокойство, а кровь загустела, так что всё проваливалось в какую-то пропасть, покатилось под откос. Арьян не помнил, в какой миг потерял из вида Данимира, как рухнул, сверженный крепким вином, ласками горячих рук, что хозяйничали у него в штанах, да дурманым воздухом.

- Ты будешь мой, - влился горячо мягкий голос в уши, кажется, Лавьи.

Снесённый ураганом блаженства, что нахлынуло на него неожиданно под ласковыми губами, княжич опрокинулся в ворох подушек, закрыв глаза, мгновенно провалился в сон.

Княжич очень удивился, когда, проснувшись поутру, обнаружил себя целым, не скрученным и посаженным в поруб - самое лучшее, что могло бы случиться, а всё на прежнем месте, где вчера накрыла чугуном хмелем пелена. Поворочавшись в ворохе подушек, подняться не смог, на груди его спала полуголая валганка, охватив пояс. Он поднял голову и тут же рухнул обратно, зажмурился от взрывной боли где-то в глубине затылка. Полежал немного, ощущая, как прохладный ветер оглаживает тяжёлые веки, скулы, ворошит волосы, сделал снова попытку подняться, сдёрнув с себя руки наложницы. Та нахмурилась во сне и отвернулась. Данимир, оказывается, никуда и не уходил, спал рядом. Арьян огляделся, вслушиваясь в тишину. Полутени играли на тканевых стенках шатра в утреннем белёсом свете, что окутывал ещё спящих слуг, горький вкус табака осел на языке, сушил, жутко хотелось пить. Княжич обвёл взором шатёр и не обнаружил Вихсара. Поднялся, пошатываясь, переступил через разбросанную посуду и одежду, направился туда, где лёгкий полог занавеса колыхал залетающий сквозняк. Князь Вяжеслав, увидев такое непотребство, разъярился бы. Впрочем, сейчас, наверное, уже нет, а если бы три года назад, когда его железная воля держала весь город, а не только вступивших в свою пору двоих сыновей, вот тогда...

Арьян, потеряв лицо, откинул полу навеса да так и пристыл ступнями к земле, так и схлынул весь сон да похмелье. Со дна против воли рванулись самые противоречивые чувства, пробуждая его окончательно, чувства самые сильные, которые когда-либо он испытывал. На шкурах, свернувшись калачиком, лежала голая девушка. Арьян заторопился было покинуть это место, но что-то удержало его, заставило стоять на месте. Он хмуро оглядел незнакомку ещё раз и медленно, замечая, как воздушно играют на её белой коже округлых бёдер тени, мажут узорами. Она не показалась худощавой, восхищало гибкое с совершенными формами тело, молодое и сочное, от природы привлекательное, с узкой талией - пальцами обхватить, с маленькими плечами, тонкими запястьями и щиколотками. Серебристо-льняные волосы, что опутали во сне её лицо, разметались по меховой постели длинными блестящими волнами. Арьян вгляделся в её лицо, что имело нежные черты: тонкий нос с узкими крыльями, пухлые мягкие губы, высокие скулы, розовеющие щёки, тёмные изломы бровей, что придавали её лицу какой-то невинной строгости. Захотелось заглянуть в её глаза, узнать их цвет. Княжич задержал взгляд на обвивших её, словно верёвки, руках вождя, заледенел внутри, обращая взор на Вихсара, что раскинулся рядом с ней и даже во сне заявлял своё право обладания.

Мгновения проходили за мгновениями, Арьян не отступил за занавес, что нужно было сделать хотя бы для приличия, не выпустил ткань из закаменелых пальцев, борясь с нахлынувшей волной недоумения.

«Отойди!» - приказал себе. Но почему-то стоял на месте, пытаясь трезвонившей головой понять происходящее. Откуда воличанка взялась здесь?

Будто почувствовав чужое пристальное внимание, девушка пошевелилась, разрывая ядовитые мысли, сжалась от прохлады, дрогнули тёмные ресницы, и она открыла глаза, повернулась, откидывая волосы с лица. Напоровшись взглядом на стоявшую над ней могучую тень, замерла. Заметив спросонья постороннего, она шире распахнула глаза. В них, голубых, как горсти родниковой воды, всплеснул испуг. Девица молчаливо дёрнулась, схватилась за оде-

яло, потянула края на себя, пытаясь хоть как-то прикрыться, но не вышло высвободить из-под спящей туши воина покрывало. Да в том уж и не было смысла, всё, что не должен он был видеть, уже увидел. Девушка, верно невольница вождя, молчала, лишь вздымалась полная белая с розовыми затверделыми на сквозняке сосками грудь, от вида которой утяжелился весь он. Взгляд скользнул ниже по плоскому животу, опускаясь туда, куда необоримо тянуло глянуть. Девушка, выдержав его изучающий взгляд, смотрела на княжича немного исподлобья, утих животный испуг.

Арьян, опомнившись, отступил, задёргивая занавесь, задышал глубоко и редко, смотря перед собой невидящим взглядом, слушая беспрестанный шум в голове. Вновь оглядел беспорядок в шатре, ощущая, как в спину врезается взгляд чистых голубых глаз. От вчерашнего выпитого его ещё штормило, хотя он уже не был уверен в том, что именно от этого. Княжич качнулся и быстро покинул шатёр, спеша глотнуть утренней свежести. Вышел за полог, и лицо мазнул прохладный воздух, вливая в полное ломоты тело живительную силу, пробирая до дрожи. Холодок скользнул по спине к загривку. Однако даже тут княжич всё ещё чувствовал на себе взгляд невольницы, от которого, к его удивлению, сворачивалось что-то тугое и жаркое в груди, погружалось в мутный ил его застоявшейся в неподвижности души, поднимая со дна чуждое ему или давно забытое. Арьян, выдохнув, потёр затёкшую шею, запрокинул голову, посмотрел в розовеющее со всех сторон небо, затянутое рваными серыми обломками, верно на дождь повернёт, хоть жрецы и нагадали солнечные дни.

И всё же, как она попала в лагерь? И не скажешь, что выглядит истерзанной. Чуть диковатый пронзительный взгляд, привлекательное тело. И о помощи не замолила, молча смотрела.

«Может, по доброй воле...»

Арьян тряхнул головой, сбрасывая недоумение, развеивая так и вставший перед глазами образ, волнующий сердце - её дымчато-голубые глаза под бархатной тенью ресниц.

- Доброе утро, княжич, - раздался гулкий голос за спиной, вырвал из задумчивости. Воевода, как всегда, подкрался незаметно.

Арьян мысленно поругал себя. Непростительно воину отвлекаться и подпускать кого бы то ни было так близко.

Радьяр сощурил зелёно-голубые, как полынь, глаза, напряжённо и тревожно оглядел ещё спящее становище: лишь стражники жгли костры, да мелькали среди шатров и сооружений для хозяйских нужд закутанные в платки женские фигуры.

- Доброе, Радьяр, - ответил мужчине Арьян, сглатывая сухость - жажду так и не утолил, остро захотелось побыстрее вернуться в лагерь.

Надышавшись вдоволь, княжич повернулся, положил на плечо витязю руку, чуть сжал.

- Собирай людей, выдвигаться будем.

Сказав, убрал руку, нырнул снова под полог, мельком глянув на занавес, что разделял шатёр на две половины, и только потом заметил, что наложниц уже и след простыл, в одиночестве спал и Данимир. Арьян отвёл взор и наткнулся на ушат с водой, зачерпнул, испил. Холодная вода показалась вовсе невкусной, но горло смочила, немного стало легче. Зачерпнув ещё воды, он прошагал к раскинувшемуся на подушках брату, опустился рядом, потряс того за плечи. Младший скривился, но ресницы разлепил, вперившись затуманенным с хмеля взглядом в Арьяна, помалу понимая, кто перед ним, и где он.

- Поднимайся, пора нам восвояси отправляться. Погостили и хватит.

Тот сухо сглотнул, тяжело оторвал голову, сел, морщась, потёр себя по груди, осматриваясь, мало-помалу соображая, что к чему. Арьян поднёс ему ковш с водой, Данимир глянул на него с жадностью, надолго присосался к посудине, пил большими глотками, проливая на ворот, омочив распахнутую рубаху. Отлепился, утерев рукавом уста.

- Что за коровья моча? - скривился он вместо того, чтобы поблагодарить, и потянулся за кафтаном.

Просунув руки в рукава, Данимир вдруг замер, а потом поднял просиявшие глаза на Арьяна, видно вспомнив вчерашний вечер. Опустил взгляд.

- Ты же знаешь, что это моя слабость, - пробурчал он, запахивая полы.

Арьян хмыкнул. Сказать тут было нечего, кроме одного.

- Да, а я до конца надеялся, что брать ты её не станешь.

Данимир нервно застегнул петлю.

- Как же я могу теперь отказаться? Это оскорбление, - буркнул он.

Арьян прищурился. Так ли уж волновало брата достоинство наложницы, которая не прочь улечься под любого мужика?

- Ну, конечно, после жарких ласк да горячего местечка, где побывал твой... - Арьян сдержал ухмылку, - не ошпарила она там ничего?

Лицо Данимира побелело, вытянулось, выказывая горечь.

- Вот зачем ты так? И без тебя башка раскалывается.

Арьян терпеливо вобрал в себя воздух, намереваясь сказать то, что он может, а что - нет, но пола занавеса откинулась, заставляя смолкнуть обоих. Взгляд Арьяна невольно скользнул за раскрытый на миг полог, где мелькнули женские стройные ноги да серебро волос. Вождь перехватил взгляд княжича, дёрнулся уголок рта в ухмылке, верно понял, что так привлекло мужчину. Глянул в сторону Данимира, ещё шире расплылся в улыбке, опускаясь, скрещивая ноги, на то место, где вчера и отдыхал. Только на миг по другую сторону занавеса, что отделял их от места, где осталась невольница, открылся полог - другой вход, скользнула девичья тень в проём, холодный свет хлынул и снова исчез, погружая шатёр в утренний полумрак. Сразу, как только вождь поднялся, а девушка вынырнула из шатра, забежал и слуга с кувшином и чарками в руках, услужливо разлил чего-то на запах кислого и солёного. На вкус напиток оказался капустным рассолом, да таким ядрёным, с перечной остротой, что даже прошибло нос.

- Я надеюсь, ничем вас не обидел? - спросил Вихсар, первым нарушая молчание, бросив острый насмешливый взгляд на младшего княжича.

Данимир поменялся в лице и теперь не знал, куда прятать свои глаза.

Всё, что было вчера, не нравилось Арьяну, не предполагал он такого приёма, хотя и должен был.

- За дружескую встречу спасибо, - начал он, слыша, как снаружи уже поднялся шум - собирались его люди, - но долго нам рассиживаться нельзя, ждут нас в городе.

- Понимаю, - не стал упорствовать Вихсар. - Задерживать вас не стану. Если пожелаете снова погостить, милости прошу к моему очагу.

Данимир шумно выдохнул, зачёсывая пальцами назад разворошённые со сна волосы, туго сглотнул. Арьян допил остатки рассола, поднялся, посмотрев сверху на вождя. Глаза у того были темны, и даже теперь, при дневном свете, княжич не смог различить, что же скрывалось за их чернотой, но чувал нутром, что хорошего лучше не ждать. Сегодня с теплом встретил, а завтра обрушит вихрь горящих стрел на город, хоть бояться и не следовало, числом слабы будут, да только нет уверенности, что завтра целая орда не примкнёт к лагерю. Впрочем, мог и ошибаться, недаром отец твердил о том, что слишком осторожный старший княжич. Но как не остерегаться, если чувал неладное, и к бабке не ходи, подвох кроется, только вот в чём именно, разобрать бы. Невольно предстал перед внутренним взором образ незнакомки, такой строгий и в то же время невинный взгляд царапнул нутро. Княжич очнулся, вливаясь в окружение.

Вихсар, меряясь с ним молчаливым взглядом, тоже поднялся, и взгляды их оказались наравне.

- Я велю Лавье собираться в путь, - обратился он к Данимиру, в голосе послышалась твёрдость. Потом снова перевёл взор на Арьяна. - Моё предложение всё ещё остаётся в силе, ты можешь выбрать себе ту, что легла на душу, - приподнял он тёмную бровь. - Не могу оставить дорогого гостя без подарка. Выбирай, кого пожелаешь.

Только сказал, как едва с языка княжича не сорвалось пожелание. Арьян глянул в сторону занавеса, за которым уж никого и не было. Сжал губы, вернув взор на Вихсара.

- Я могу выбрать, - ответил он другое только для того, чтобы не быть в долгу. - Да только согласишься ли ты мне отдать ту, которую я выберу?

Вихсар, казалось, обратился весь в каменную глыбу. Данимир тоже удивлённо бросил на брата взгляд - никак задумал что без его ведома?

Вождь, наконец, очнувшись, заложил руки за спину, качнулся, задумчивость легла на его лицо, и вместе с тем любопытство - что хочет пожелать старший сын князя Вяжеслава? Да только соглашаться не спешил, натянуто улыбнулся.

- Даже боги могут быть не всемогущи перед человеческими желаниями, не предлагай того, в чём сам не уверен, - ответил Арьян, разрывая его колебание, развернулся, покинул шатёр, за ним проследовал и Данимир.

И в самом деле, кмети были уже в сборе во главе с воеводой. Арьян скользил взглядом по окутанному белёсым туманом лагерю, и интересовали его не валганы, не то, за чем он ещё вчера намеревался приехать - за точным знанием об этом племени да о числе воинов. Интересовала его теперь воличанка. И как бы ни разглядывал столпившихся вокруг чужаков женщин, а не нашёл среди них светловолосой голубоглазой девки.

Одёрнул себя - зачем? Но как не крути, а всё же утренняя встреча легла на душу. Облечившись в тёплую одежду, что оказалась у воеводы, княжич поднялся в седло подведённого к нему коня, всё ещё оглядывая раскинувшееся во все стороны становище, но не выискивал ту, которую так хотели видеть его глаза. Кутаясь в платок и длинный меховой плащ, вышла Лавья, с пустыми руками, впрочем, теперь её должен одаривать взявший её к себе под кров другой мужчина. Взгляд Данимира так и вперился в неё, не отпуская, того и гляди слюна потечёт.

- И кого же ты хотел пожелать? - не удержался он от вопроса, всё же оторвав взор от Лавьи.

Арьян повернулся к Данимиру, посмотрев остро - в его личные желания никто не должен вмешиваться, даже родной брат. Младший княжич, поняв всё, отстал, дёрнул поводья, призывая кметю посадить в седло свой подарок. Скрипнув зубами от того, что Данимир, как и всегда, не прислушался к его словам и взял наложницу валганского вождя, Арьян отвернулся, тронул лошадь, чувствуя тлеющее раздражение. Обвёл взором площадку - как есть, все валганы собрались, возвышались среди остальных ближники вождя, напуская на глаза угрожающую хмарь.

Из шатра, едва воины поднялись в сёдла, вышел Вихсар, уже облачённый в верхнюю одежду. Княжич кивнул ему, прощаясь, и, не дожидаясь ответного кивка, развернулся, пустил лошадь вперёд остальных, только поднялась с земли пыль от копыт.

Как только покинули границы становища, всадники устремились по зелёному, в маковом цвету, лугу. Воздух, налитый мёдом трав, густо наполнил грудь целебными силами, выбил вскоре всё дурное, что накопилось за вчерашним гульбищем. Однако тревога всё ещё ворочалась где-то внутри, будто оставил то, что нужно было забрать.

Арьян случайно выхватил взглядом Лавью, вспомнив, что среди мужчин была и девушка. Сейчас наложница выглядела взволнованной и растерянной. Пышущая жаром страсть и стройное гибкое тело теперь прятались за слоями одежды. В глубине глаз не огонь желания пылал, а царила пустота, страх пред неизвестностью и новой жизнью. Но это скоро пройдёт, и прежний огонь и страсть появятся вновь, когда придёт на то время. И, судя по взглядам Данимира, случится это слишком скоро. Жар хлынул вниз, к паху, когда Арьян заново ощутил её жаркие и сухие, как нагретый песок, руки. Туманно помнил поцелуй ненасытные, жадные. Просачивался из недр памяти и запах жгучего перца, и сладость душистых цветов, и всё это мешалось с дымом. Арьян выдохнул, раздражаясь на себя, на то, что позволил наложнице запустить руки себе в

штаны. И как назло, невольно за этими воспоминаниями потянулись другие, более скверные, хоть и далёкие...

Тряхнув головой, Арьян поднял взгляд к замутившемуся на окоёме сине-свинцовому, как морская волна в шторм, небу. Необъятное, могучее, оно давило, вселяло стихийную тревогу, разгоняя кровь по жилам быстрее. Там, впереди, уже обрушился на землю ливень, а здесь ещё окутывала со всех сторон тёплая тишина, и мерное покачивание в седле навевало сон на кметей, но только не на Арьяна, чья душа бушевала сейчас, как грозовое небо впереди.

- А это ещё кто? - разразился совсем рядом низкий голос Радьяра.

Арьян обратил взор туда, куда был устремлён взгляд воеводы. Казалось, вся кровь отхлынула от сердца, когда княжич узрел женскую фигурку. Та самая невольница, которую он видел в постели вождя, бежала сейчас через изумрудный в утренней росе луг.

- Откуда она взялась? - Данимир, привлечённый суетой воеводы, смотрел в ту же сторону.

Не раздумывая, Арьян спрыгнул наземь. Спустив подпругу, скинул седло, вручив его брату.

Тот во все глаза наблюдал, как старший княжич вновь вскочил на спину лошади, поддевая её бока пятками, припустился навстречу незнакомке, оставив младшего без ответа.

Значит, всё же была пленницей - сбежала. Теперь всё стало ясно.

Девушка перешла на шаг, путаясь в подоле длинного, давно выцветшего, когда-то травяного, а теперь болотного цвета платья. Голова не покрыта, и поднявшийся вдруг ветер, насыщенный свежестью грозы, растрепал длинную косу.

И откуда в такой маленькой, хрупкой столько смелости, чтобы решиться на побег? Видимо настолько отчаялась, раз решилась на такое. Внутри похолодело от того, что бы с ней сделали эти дикари, если бы поймали её. Пленница остановилась, когда Арьян приблизился, повертела головой, следя за объезжающим её со спины всадником. Скучный наряд её оживлял острый и дикий взгляд, и глаза были цвета той самой бури, что творилась на горизонте, полные какой-то обречённой отважности, негибкости и твёрдости. Об этом говорили и плотно сжатые губы, и упрямо вздёрнутый подбородок, и стиснутые до белых костяшек кулаки, и грудь, вздымающаяся от глубокого, судорожного дыхания. Арьян рванул лошадь, и в тот же миг девушка приготовилась для прыжка. Княжич чуть склонился, подхватил её легко за пояс на лету - в ней-то и веса никакого не было. Усадил перед собой, пустил лошадь вперёд.

Отряд вскоре нагнал Арьяна, стараясь не отставать. В руках его девушка оказалась совсем маленькой, тонкие запястья, пальцы ровные, вцепившиеся в гриву. Прикосновение грудью и бёдрами к её спине и тому, что ниже, вызывало всплески горячих и тугих волн. Он старался не думать обо всём этом, но отбросить такие мысли было невозможно.

Всю дорогу девушка не заговаривала, и Арьян не спрашивал, хотя хотелось знать её имя. И не понимал сам себя, зачем ему это? Почему вообще обратил на неё внимание? Наверное, он ещё никогда не видел таких глаз. В его роду все женщины имели цвет глаз зеленовато-серый или тёплый, как мёд и янтарь, или сухо-коричневый, как ореховая скорлупа. И косы русые или рыжеватые, иногда с бронзовым отливом, но не такие - с холодным серебряным переливом, как сталь его клинка. Она была другой, не похожей на всех остальных, и это он понял с самого первого взгляда, как увидел её ранним утром мирно спящую на мехах. А ещё этот взгляд - не затравленный, не испуганный и искажённый мукой, как у пойманного зверька, и даже доли растерянности в нём не было. Каждый её взгляд, как осколок, врезался в душу, оставляя глубокие отметины.

Постепенно луг сменился каменистым нагорьем. После подъёма по нему глазам всадников открылась Вель. Она ослепительно сверкала в сгустившемся мареве под грозовым небом серебристой лентой, как волосы впереди сидящей пока ещё незнакомки. Пока. Как только представится возможность, Арьян обязательно разузнает, кто она и откуда.

Вдалеке поднимались клочья дыма от костров, предвещая скорый отдых. И успели как раз к обеденной трапезе. Арьян по мере приближения заметил среди кметей во главе десятника Векулы и рыжеватую голову Митко, что выбежал встречать отряд наравне со всеми. Он вылетел вперёд, привычно беря под уздцы лошадь княжича.

Арьян, упруго спрыгнув наземь, помог спуститься девушке. Та вдруг пошатнулась, и Арьян поддержал её за плечи, такие холодные и дрожащие.

- Спасибо, - сказала незнакомка, глянув на княжича, окатывая ледяным родником.

Нет, таких пронзительных дико-голубых глаз он ещё не встречал. Радужка широкая, шире, чем когда-либо он видел, и от этого глаза казались большими, глубокими, тянули на дно, и он тонул в них каждый раз, в пронзительных и невыносимо холодных на белом красивом лице. Она и в самом деле была очень красива, несмотря на усталость, от которой кожа стала блее, вблизи так совсем прозрачная, проступали тонкие вены на висках. Лицо словно было высечено из молодой древесины, и тёмные брови будто нарисованные, и пухлые губы маленькие, по-детски мягкие. Но столько борьбы было в глазах её, такой маленькой по сравнению с ним. Невольно вспомнил слова Вихсара - не о ней ли говорил вождь? Что ж, если это так, то выходит, эта невольница имеет большую ценность для него. Вихсар захочет вернуть своё. Но теперь она принадлежит не ему. Арьян взял свой подарок, который предложил ему валганский вождь. От одной мысли, что тот ещё утром брал её, по-хозяйски касался, опрокинуло в лёд.

Не дождавшись, пока княжич заговорит, девушка высвободилась - Арьян до сих пор её сжимал - обхватывая себя руками, закрыла грудь. Тряпка, а не платье, что было на ней, совсем не грела, не защищала от пронзительного ветра. Губы её мгновенно побелели, став бледно-розовыми, задрожали, кажется, её начал и вовсе бить озноб от страха ли, от пережитого или от всего вместе взятого. Как ни выказывала она решительности, а всё же силы истощились.

- Митко! - окликнул Арьян отрока, который вернулся за седлом. - Отведи её в шатёр, поешь принеси, воды согрей и одежду тёплую найди.

- Я не голодна, - возразила она.

Нежный голос заглушил бурю в его сердце. Голос её был такой же глубокий и чистый, как и глаза.

- Отдыхай, можешь поспать немного вон в том шатре, - указал Арьян на небольшой полог, на двоих только и хватит, - никто вас обоих не потревожит, кроме прислужника, что принесёт еды и воды, времени на постой у нас мало. После, как отдохнёшь, расскажешь, откуда ты и из каких земель.

Выслушав его, она кивнула, и взгляд вроде смягчился, потеплел, покорился. А может, и показалось. Она обошла княжича, шагнула за Митко и Лавьей, но приостановилась, нахмурившись, будто сомнение взяло. Потом решила что-то для себя и, больше не медля, пошла за отроком, не оборачиваясь, следуя совету княжича.

- Откуда она? - раздался тут же рядом голос Данимира.

Арьян, неотрывно смотря на удаляющуюся женскую фигурку, задумчиво ответил:

- Скоро узнаем.

Глава 3

Глава 3

Обмывшись нагретой водой, принесённой отроком, и одевшись в чистые, хоть и мужские, одежды, Мирина, поев немного белого заячьего мяса, легла на мягкие шкуры. Муки брэнного тела отступили от одного только ощущая свободы. Теперь вольна, как ветер. Не поставят ей клейма, как Малке. Вспомнив о наперснице, Мирина помрачнела. Малка бы могла пойти с ней, но она ни свет ни заря работала уже у водоёма, в то время как Мирина едва только покинула Вихсара. И ей повезло ускользнуть от надсмотрщиц, которые, разинув рты, провожали молодых воинов. Мирина вспомнила, как бежала безостановочно, как грудь ломило от боли, а сердце стучало у самого горла, суля выпрыгнуть наружу или разорваться от бешеной погони. Страх гнал её. Страх, что не догонит княжеский отряд, страх, что поймают в третий раз, и тогда пощады ей бы не было, вождь исполнил бы то, чем грозил ей - пустил бы по кругу. Слава Богам, отряд не слишком быстро покидал лагерь валганов.

Мирина выдохнула свободно. Даже не верилось, что вырвалась из плена. Но сердце стучало бешеным галопом от этого пьянящего, головокружительного чувства освобождения. Будто камень с груди свалился. Будто невидимая петля, что все три месяца сдавливала шею, медленно, но верно убивая, расплелась, позволяя вдохнуть полной грудью. И Мирина дышала, дышала жадно, глубоко, ненасытно, вбирая в себя аромат цветущих трав, свежесть грозowego неба - запах свободы, полёта. Но тут же вместе с вожаделенной радостью пришла и тревога. Её, наверное, ведь ищут или уже перестали искать. Что теперь делать дальше? Вернуться домой? Да. Немедленно. Вспомнив о том, что обещана она Вортиславу, Мирина скривилась, будто горькую полынь съела. Слишком высока плата была за её неосторожный поступок - побег из Ровицы. Теперь наученная, да так, что хватит на десять жизней вперёд, не забыть ей истязательств да обжигающих рук Вихсара, что сминали, подчиняли, заставляли делать то, что он хочет, то, от чего воротило с души, и каждая встреча была пыткой. И не было разницы между истязательствами вождя и тем, что по возвращении домой придётся делить постель с нежеланным Вортиславом - одинаково скверно. О том, что побывала она у хана, не должен узнать никто. По приходу в стены Ровицы она скажет матери, что жила у волхвы или в какой-нибудь веси, но ни слова о Вихсаре. И пусть княжичи знают о том, откуда её вытащили, но ничего не знают о том, кто она на самом деле, стало быть и имени своего и рода тоже не стоит называть. Сначала она прибудет домой, сделает всё, что скажет мать: за кого выходить и где ей жить. Времени хватит, чтобы всё улеглось, потекло своим чередом, а там пусть идут слухи, если, конечно, пойдут, тогда проще будет их опровергнуть, сказав, что это клевета.

Мирина отвернулась к тканевой стенке, до боли стиснула челюсти, уставившись в серое полотно. Именно такой станет её жизнь, если выйдет за Вортислава, бесцветной, пустой. Пусть!! Дороже свободы нет ничего, нет ничего желаннее - это стало самым главным для неё. А всё остальное стерпит, сживётся, привыкнет, в конце концов. Мирина не поняла, в какой миг унеслась в прошлое, в ушедшую зиму.

Перед глазами покои матери, освещённые свечами, и этот душный запах сирени и воска сдавливал горло, забивал грудь, дыхание. Два голых сплетённых тела на постели, в очертаниях женщины узнала княгиню, свою матушку. Гибкий белый стан, крепкие ноги, широкие бёдра с узкой талией - матушка была хороша в своих годах, недаром отец её богиней называл. Она извивалась и выгибалась в руках мужчины, который с каким-то ненасытным остервенением врезался в неё. Это был он, Вортислав, её дядька и новоявленный жених, предназначенный, так уж велела княгиня после смерти отца, для Мирины. И эти стоны били камнями в грудь.

Мирина с силой зажмурилась, прогоняя прочь воспоминания, что так живо вспыхнули в её памяти впервые за долгое время. Она не должна думать плохо о своей матушке, не должна осуждать. Так не принято, так неправильно. Она обязана принимать все её решения. Теперь она постарается всё исправить, постарается забыть о том, кем является Вортислав для матери. Простить.

Мирина прерывисто выдохнула, слушая глухие звуки лагеря и шум ветра. Он стал ещё сильнее, бился о тканевые стенки, завывал. Как бы гроза их не настигла, тогда придётся задержаться здесь, рядом с валганами. Внутри тут же покорёжило всё. Быстрее бы покинуть берег, оказаться как можно дальше от этого пекла, где она побывала. А для себя она решила - пусть и горькой будет её участь спать с любовником матушки, но видно так угодно кому-то, видно заслужила, провинилась чем-то, хоть жизнь её до побега была не веселее жизни любой княжеской дочери, которую готовили к выгодному замужеству. Пока не умер отец, а мать, обезумев от любви, не решила не упускать своего нечаянного счастья. Ну и что?! Зато будет в родной стороне, в своей вотчине, где станет полноправной хозяйкой. И не будет вздрагивать по ночам да оборачиваться всякий раз, ожидая опасности за каждым углом. Не будет ходить по острию ножа.

Мирина привстала на постели - нет, поспать не получится - и не успела опустить ноги на землю, как подлетела всполошённая Лавья, будто и ждала, когда Мирина проснётся, но та и не спала. Перед лицом возникли карие, почти чёрные, налитой дикой злобой глаза наложницы. Захотелось немедленно оттолкнуть её, но Мирина быстро взяла себя в руки, стиснула зубы.

- Сбежала, значит, - блеклые губы скривились в презрении, потемнело её и без того бронзовое, плоское, как у всех валганок, лицо. - Ты, подстилка грязная, захотела свободы, - ткнула он пальцем в грудь девушки, - как была рабыней, так ей и останешься, и от этого позора тебе вовек не отмыться. Никто на тебя больше не посмотрит! - шипела она. - Мало тебе было одного хозяина, так тебе ещё княжичей подавай?! Как жила сукой, так ей и останешься, только кобели и вскочат на тебя, больше ты никому не нужна! Даже рот не разевай. А если попытаешься поднять подол для кого, сильно об этом пожалеешь. Лахудра.

Мирина почувствовала, как пальцы до боли вдавливаются в деревянные доски постели, а внутри коркой льда затянуло, а потом треснуло так, что оглушило. Всякое поганое она слышала о себе там, в лагере, но теперь она свободна. Мирина резко поднялась. Лавья хоть и не отступила, но вытянулась столбом, в глазах на миг да мелькнула тревога, губы пожала, будто почуяла дым от огня. Княжна бегло посмотрела в её глаза, шаря взглядом по лицу, будто резала. Много бы могла сейчас сказать, да указать место этой потаскухе, которую, как вещь, отдали из-за ненужности, сказать о том, кто перед ней, и чтобы та прикусила язык. Могла бы, но не сделает этого, Лавья в последнюю очередь должна знать, кто перед ней на самом деле.

Больше никаких слов не последовало, только спесиво запрыгали бесята в жгуче-карих глазах наложницы. Мирина, отлепив от неё взгляд, прошла к кувшину, что стоял на резном сундуке, подхватила его, налила в чару питья. Задумалась, держа в напряжённом внимании так и оставшуюся без ответа девушку. Впрочем, если Лавья западёт в душу одному из княжичей, то займет какое-то влияние, сможет наускивать влюблённого мужчину. До поры, пока не надоест.

Княжна сделала глоток, хлебный душок ударил в нос, глотнула ещё и ещё, утоляя жажду и остужая пыл. Лавья, что наблюдала за ней, развернулась и отправилась к своей лежанке, походка и все движения наложницы были плавные и гибкие, напоминали гадюку, выющую в воде. Дыхание постепенно успокаивалось, а снежная буря внутри с каждым глотком утихала. А после и вовсе стало спокойно. И даже смогла понять порыв Лавьи. Невольно Мирина вспомнила утреннюю встречу с Арьяном и удивилась, когда на неё будто кто варом плеснул, так вспыхнули щёки. И воспоминания одно за другим вынуждали пылать щеки ещё горячее. Он

ведь видел её совершенно голой и рядом с врагом. От этих раздумий сердце будто в камень обратилось, отяжелело, неуютно сделалось внутри и тесно, хоть прочь беги.

О сыновьях Вяжеслава княжна была наслышана, и матушка о них щебетала в последнее время постоянно. Не даром ходили толки, оба хороши, слажены, красивы, мужественны и смелы... Лавья неспроста накинулась, готовая едва ли не горло перегрызть за них. Мирина вспомнила, что слышала, будто отец их занедужил, и правление взяли братья. Всё сходится. Вот и в лагерь приехали, как и говорила Малка, чтобы показать, кто хозяева на этой земле. Вспомнила о подруге и о всех тех девушках, что остались томиться за рекой Вель, вновь обожгла кипучая тоска, а сердце защемило.

За пологом послышался шорох, в шатёр скользнул отрок.

- Княжич Арьян велел собираться в drog, - произнёс он, посмотрев на Лавью, потупив взгляд, глянул на Мирину. - Он зовёт тебя.

Лавью аж перекосило, а глаза черничными сделались от ревности. Мирина последовала за Митко, выходя наружу. Ветер тут же огладил лицо, взъерошив волосы, откидывая тяжёлую косу за спину, вытеснил все дурные мысли и злость. Вместо них появились другие чувства, волнительные такие, что внутри дрожь взяла от того, что придётся ей говорить со старшим княжичем, а почему, всё понять никак не могла. Будто самое сокровенное о ней он узнал уже. Она невольно оглядела себя. Представать перед ним в таком виде неловко. Пусть хоть то - поношенная одежда, но женское платье, а это - не по величине мужская рубаша, опоясанная тонким ремешком, просторные штаны, как шаровары валганов, заправленные в сапоги с невысокой щиколоткой. Их дал ей Митко, но и они были немного велики, ступни в них свободно скользили. Обувь по весне надсмотрщицы отняли, как только потеплело едва, ходила босая, как и все невольницы. Сердце забарабанило, будто нагара, выдавая непрерывную дробь, и Мирина, кажется, перестала дышать, а желудок сжался в узел, когда, пройдя шатры, впереди у костра заметила одиноко стоявшую мужскую фигуру, которую смогла разглядеть даже в дымном занавесе костра.

Княжич был высок и строен - она ещё тогда, утром это отметила - с длинными ногами, широкими плечами и узкими бёдрами. Мускулистые, будто высеченные из камня, руки, обтянутые тканью рубахи, скрещенные на груди. Арьян задумчиво смотрел на огонь. И только по приближении Мирина поняла, что он был вовсе не один, а с братом, который стоял по другую сторону, и его заслоняло от глаз низкое сухое рябинового дерева. На первый взгляд их можно было, наверное, спутать, но так казалось только сначала, потом всё больше становилось видно отличий. Арьян был выше Данимира на две пяди, и волосы у старшего княжича прямее, в то время как у Данимира они чуть вились, у обоих они были орехового цвета. Вид Арьяна внушал угрозу, предельное напряжение, в то время как Данимир расслабленно привалился к стволу дерева, полуулыбка застыла на его лице - верно о чём-то они тут говорили, а теперь молчали, и Мирина не могла даже выдохнуть, предполагая, что о ней. Арьян повернулся первым, как только княжна с помощником приблизились к кострищу.

Вроде отдыхала Мирина в шатре недолго, а солнце уже склонилось низко над землёй, почти скатилось на уровень глаз, и ветер приносил тёплый, нагретый за день воздух с лугов, наполненный запахами диких трав, нагонял кудели облаков, что на окоёме едва ли не касались земли, так низко провисали над лугами. В степях это ощущалось сильнее, а скоро дойдут до леса, и там, в густых чащобах, небо потеряется на долгое время. Леса эти дремучие опоясывают исток реки Вель, в его глубине насажены городищи да деревеньки, что прячутся от взора врагов. Оказавшись в клубе дыма, что въелся в глаза, Мирина чуть обошла костёр, поняла, что лагерь окутан этим самым дымом. Видно завтра будет сыро, а то и дождливо.

Данимир вытащил былинку изо рта, отшвырнул её, окинул заинтересованным взглядом беглянку, лукаво прищурил глаза, будто затеял шалость какую. Мирина поёжилась - ещё больше сковала её неловкость - и перевела взгляд на старшего княжича.

И сделалось ей куда теснее при виде глаз Арьяна, таких глубоких, каких тихих, как озёра у неё на родине в Ровице, таких задумчивых, завораживающих, цвета коры орехового дерева. Их густо оттеняла загорелая кожа, что верно за время пути обожглась на солнце ещё сильнее. У него были высокие скулы, щетина, что очерчивала губы, словно высеченные из камня, с плавными линиями, нижняя губа была чуть толще верхней. Их, таких сухих, мягких, хотелось коснуться. Вид княжича не пугал Мирину, но всё равно прожигающий до костей взгляд его вынуждал рядом с ним терять покой, будил внутри что-то неизведанное, и хотелось увернуться от этого глубокого, губительного спокойствия, навязанного его присутствием. Наверняка за этим взглядом скрывалось что-то тайное, тёмное, что таит в себе утопающая в сумерках глухая лесная чаща. И Мирина поняла - от него будет сложно что-либо утаить.

- Ступай, Митко, собирай вещи, - велел Арьян отроку.

Мирина обернулась, пронаблюдав за удаляющимся к лагерю парнем, волосы которого в закатных лучах стали бурого отлива, как куст спелой клюквы.

- Как твоё имя? - спросил Арьян, возвращая к себе внимание девушки.

Беглянка взглянула на Данимира, что так же наблюдал за ней неотрывно.

- Мирина, - ответила она, вернув взгляд на старшего княжича.

- Из рода чьего, Мирина? - задал тот следующий положенный ему вопрос.

- Зачем тебе знать моё родство, княжич? Я невольница, которой повезло сбежать.

Арьян приподнял подбородок и, показалось, в росте стал ещё выше и грознее, тяжёлой каменной плитой упал на девушку совсем недружелюбный взгляд, видно ответ не понравился ему.

- Хорошо, если не хочешь говорить, не говори, - ответил он просто, не настаивая, как боялась того Мирина, - значит, поедешь с нами до Явлича, тебе по пути, как я понимаю, поблизости нет никакого другого поселения.

Мирина кивнула. Ровица находилась дальше Явлича, месяц пути, если по суше, по реке в три раза меньше. Далеко увёз её Вихсар, но об этом Мирина ничего не сказала. Доберётся пока до города. Там живут отцовы родичи, далёкие, но как-то доводилось побывать у них разок. Правда было это давно, но остаётся надеяться, что узнают её, а там попросит помощи, уж поди не откажут, помогут родственнице до дома добраться.

- Доберёшься-то сама? - спросил Арьян призадумавшуюся девушку.

Будто мысли её прочёл. Неужели интересна дальнейшая судьба невольницы? Для них так совсем простой девки племени неведомого.

Она снова кивнула.

- Постой, как это, сама? - оборвал Данимир брата, вставая в столь короткий разговор.

Мирина наткнулась на ставший вдруг колючим взор младшего княжича так неожиданно, будто на куст шиповника наскочила.

- Как ты можешь отпустить такую птичку? - он окинул её всю взором, подчеркнув её и без того неуместный наряд. - Мы же добра желаем. Скажи, откуда ты, поможем.

Мирина, растерявшись вдруг, опустила ресницы, прикусывая кончик языка.

- Вы уже помогли, и я очень благодарна, - обронила она, и от чуткого её слуха не ускользнул тяжёлый вздох Арьяна, вводя её в ещё большее смущение.

Скрыть своё происхождение оказалась намного сложнее, чем она думала. Там, в лагере, никто не интересовался таким и имени не спрашивал, называя то «лахудрой», то «подстилкой». Ничего, забудется это со временем, и всё станет как прежде, в чём она, чего душой кривить, сильно сомневалась. От ощущения тяжёлых злых взглядов надсмотрщицы ещё долго предстоит отвыкать. И по ночам будет сниться, как сжимает та в пальцах свой кнут, готовый в любой миг расправиться и полоснуть спину, обжигая до немоты в руках. Глаза валганской большухи, топкие, что болота, так и стояли перед внутренним взором, посмотришь в них, и утягивает в чёрную губительную глубину.

Если одно только это воспоминание вызывает дрожь, то что говорить о ночах, проведённых с Вихсаром... Искать её он не станет. Уж не такая и ценность, чтобы гоняться за невольницей-подстилкой по всей степи.

Мирина вздрогнула, поёжившись - с закатом холодало. Арьян, пронаблюдав за ней, прошёл к Данимиру, сдёрнув с ветки плащ, подступил к Мирине, близко, слишком, что вся она скукожилась внутри, не зная, куда себя и деть. На плечи легла суконная накидка с меховым воротом, укрывая её, и сразу тепло стало, но от тяжести едва ноги не подогнулись.

- Дождь будет к ночи, - княжич посмотрел так, что и вовсе земля под ногами пошатнулась, но сильные руки сжали её локти крепко и тут же выпустили - простой жест, а внутри словно сад расцвёл, давно она такой заботы не ощущала.

- Так что поторопиться нужно, - повернувшись, сказал он брату.

Данимир, не получив ответа, как-то с напускной обидой посмотрел на Мирину.

Вроде поговорили недолго, а шатры уже на половину разобраны оказались. Воины, дружно и весело переговариваясь, выкорчёвывали оси, стаскивали на телеги снятые кошмы да сундуки. Мелькал, словно молодой волчок среди матёрых гридней, и Митко, бегая по разным поручениям, что сыпались на парня со всех сторон. Мирина и глазом не успела моргнуть, как лагерь был снесён подчистую, а костры затушены. Её вместе с Лавьей усадили на одну из телег, из кошмы соорудили для девушек некое подобие навеса от ветра да предсказанного Арьяном дождя. Рассевшись по лошадям, с покровительством Богов тронулись в путь-дорогу. Вскоре от мерного покачивания Мирина начала клевать носом, пока не улеглась на мягкую подстилку, сладко свернувшись в комочек и вдыхая запах меха плаща, запах Арьяна, его тела, густой, терпкий и вместе с тем надёжный, сильный, от которого совсем стало спокойно. Теперь она в безопасности. С этой мыслью и задремала, не обращая внимания на Лавью, что сидела, прислонившись к стенке телеги, бревном. Только сверкали в полумраке их укрытия её глаза холодном блеском, взгляд змеей скользил по девушке, по нечаянному подарку княжича.

Проснулась Мирина от тревожного грохота и не сразу поняла, не узнала, где находится: вместо жёстких досок мягкость постели широкого шатра - теснота, но по малу сквозь туман сна просочилась ясность. Упокоилась. Её лачужки для невольниц далеко. Она в повозке, а грохот - всего лишь дождь. Однако это не уgomонило судорожно дёргающегося сердца в груди. Сквозь грохот стали просачиваться мужские голоса, успокаивая совсем.

Лавья не спала. Наблюдая за взметнувшейся соседкой, валганка презрительно скривилась, вынужденная терпеть её, отвернувшись, ложась на другой бок, укрывшись чуть ли не с головой. Мирина сглотнула, закутавшись плотнее в плащ, откинула полог и прищурилась от брызнувших в лицо холодных капель и свежего мокрого воздуха, налитанного запахом сырой земли и острым ароматом влажной древесины. Уже было утро - выходит, проспала всю ночь. Гридень, что сидел на передке телеги, повернулся, подмигнув высунувшейся из-под кошмы девушке. Мирина смущённо улыбнулась, оглядела воинов, что под стеной дождя, снося гнёт непогоды, медленно шествовали по стремительно расхлябывающейся ливнем дороге. Беглянка попыталась выискать взглядом княжичей, но дальше, чем на сажень, ничего и не разглядеть - дождь будто из ведра хлынул, припустил ещё сильнее, поглощая водяным туманом всё вокруг. Разочарованно выдохнув, Мирина нырнула обратно. Но как ни ждала, а вереница так и не остановилась, чтобы переждать ненастье. Да и где, когда кругом равнина и не то, что леска какого, а и деревца не сыщешь. По заросшей дороге колёса не увязали в трясинах, катились так же ровно, и, несмотря на испортившуюся погоду, с каждым шагом вперёд всё дальше оставались валганы. Мирина улеглась обратно, подтянув колени к себе, слушая вливающийся в уши беспрерывный грохот и шуршание дождя, улавливая обрывающиеся потоком дождя голоса мужчин, среди которых она искала только один. И зачем?

Ливень стих так же быстро, как и начался, только поднимался с набухшей от влаги земли холод, что забирался в их нагретое дыханием укрытие, и даже под плащ тёплый протискивался

за ворот, прокатывался дрожью по спине к пояснице, и становилось вдруг зябко. Всё отчётливей просачивался разговор воинов, те обсуждали, какой дорогой теперь идти. К вечеру уже и к лесу подступят, и если там ливень такой же был, то дорогами накатанными не пройти. Потому порешили в обход.

Не успели проехать и несколько сажень, как вдруг стало светлее, просочились солнечные лучи прозрачными тонкими паутинками через щели навеса. Больше не в силах сидеть в темнице, Мирина вынырнула из укрытия. Уж слишком долго она пробыла в заточении, хотелось любоваться вымытым дождём небом, зеленеющим лугом да подставлять лучам солнца лицо. И никто её больше не потревожит. Оставив Лавью - та только зябко куталась в платок шерстяной и всё так же глядела исподлобья - княжна подсела на лавку к возничему. Щуря глаза на ослепительное, обильно льющее на землю свет коло, Мирина вдруг столкнулась с изучающим взглядом Арьяна. Княжна, и не заметила, как он оказался рядом с повозкой. Намокшие волосы падали на лоб, оттеняли его и без того бездонные глаза, делая их ещё более завораживающими, но от чего-то тяжесть легла на душу, и всё от той их первой встречи. Она отвернулась первая, уставившись на дорогу, смотря поверх вёртких ушей лошади, слушала, как бьются глухо копыта о землю, поднимая клочья травы вместе с комьями земли. Дорога терялась за перекатами взгорков. Весь путь Мирина ожидала увидеть при очередном подъёме зелёную стену леса, но та всё не появлялся. Степям, казалось, конца и края не будет.

Отряд остановился только к обеду, выбрав обветренный высокий холм. Остановились лишь для того, чтобы скинуть вымокшие плащи, переодеться в сухое и наскоро перекусить, а после вновь поднялись споро в сёдла да незамедлительно отправились в путь. Постепенно за день пути Мирина запомнила имена гридней, которые ненароком да заговаривали с ней о пустяках. Вот только братья, будто сговорившись, больше не обмолвились с ней ни словечком, да и что тут скажешь, коли всё уже понятно. Только заострились черты старшего княжича, будто думал он о чём-то тяжёлом, и от того казался отстранённым, в то время как гридни после проливного дождя, напротив, подбодрились духом, всё шумели, смеялись, шутили.

Мирина с каждой верстой, хоть и до дома было ещё далеко, а всё более ощущала родные края, и в душе разливались трепет и волнение. Как истосковалась по дому, по уютных солнечных тропинкам в зарослях сосновых, по которым она прогуливалась обычно в одиночестве, по саду, который был настолько велик, что не обойти его и за день. Часто она уходила вглубь, пела песни и плела венки, срывая по пути стебли колокольчика, повитель вьюнков, вешала на сучья берёз и яблонь и мечтала о девичьих глупостях. Тогда и в самом деле мысли её были ясные, чистые, ничем не обременённые. Куда подевалась эта беспечность да девичья нежность? Прорыскалась белым пеплом сгоревших крыльев, которые порой возносили её так высоко, что всё остальное казалось далёким, и только личная судьба волновала её. Больно пришлось падать и быстро взрослеть, и прежней лёгкости теперь не будет никогда, да и всего остального...

За раздумьями разными пролетел день. Небо, чистое от туч, стало низким, а тени - длиннее и глубже. Просторная степь вскоре начала обрастать кустарниками, стали попадаться дикие раскидистые яблони, белые стволы берёз, да вывернутые из земли мокрые от сырости корни. И наконец, перед путниками угрожающе вздыбился темнеющий в сумерках лес. Повеяло с него прелостью и влажным мхом. Слышала Мирина, что в Рязеских лесах много люда сгинуло. В недрах его замшелые озёра чёрные разливаются, которые люди стороной обходят, толкуют, что места те гиблые. Оно и поверилось в то, когда Мирина собственными глазами увидела неприветливую чернеющую гущу, даже мороз по спине продрал - не по себе сделалось, и хоть окружали мужи, а казалось, озёра эти где-то рядом лежат.

Отряд неуклонно следовал намеченному пути, бесстрашно - они-то не раз следовали по тропам этим, им остерегаться нечего, по крайней мере, сейчас не лес им был врагом. А с лесом нужно дружить, приспособливаться, просить, разговаривать. Если лес объявить врагом, то он непременно победит.

Оказалось, и здесь прошёл ливень, и от влаги лошадей облепила тучей мошка. Мирина поначалу вслушивалась в звуки: как звенят у самых ушей комары, как глухо шуршит хвоя, как падают на землю старые сосновые шишки, как капает вода с листьев на мшистую землю. Лавья, которой, видно, надоело сидеть волчицей в укрытии, тоже вылезла, да только зря, комары зудели и кусали больно, девка враз покрылась красными от укусов пятнами, она-то непривычная к чащам. Из упрямства всё равно осталась сидеть на месте, во все глаза рассматривала дебри, бледнея.

- Надо на постой вставать, костры разводить, иначе живьём сожрут, - обернулся на княжичей самый старший из всех, воевода Радьяр.

Арьян пролетел мимо повозки, пуская лошадь вперёд, в самое начало, и вскоре весь отряд отклонился от заросшей багульником и ольхой тропы, телега покатила по склону меж вытянутых застарелых сосен и снова поднялась на взгорок, похожий на островок, остановилась под разлапистым еловым пологом.

- Тр-р-р, - натянул поводья Остромысл.

Мирина чуть ткнулась вперёд, благо задержалась о плечо мужчины, иначе от резкой остановки кувырнулось бы вперёд. Тот весело хохотнул, бросая вожжи на круп лошади, спрыгнул наземь, разминая плечи от долгого сидения. Следом примкнулась и другая телега, на ней ехали Мечеслав вместе с Митко, парень всю шею изодрал от злых укусов мошки. И нужно бы мазью намазаться, да только ныне у Мирины её не сыщешь. Как и собственной ложки, и ножа, и даже гребня, чтобы расчесать спутанные волосы.

Дружно соорудили палатки - для шатров здесь и места не было. Развели костры с трудом - сухой валежник после такого дождя трудно сыскать - и принялись готовить снесь. Вскоре по становищу разнёсся густой тяжёлый дым, налитый запахом жаренных тетеревов. Насекомых им будто смыло. Для девушек отрядили отдельный костёр и палатку, куда принёс Митко на круглом подносе исходившее паром и томившееся в соку белое мясо птицы. А следом Данимир сам принёс девушкам сбитня, подмигнув Мирине, многозначительно глянув на валганку, так, что от его красноречивого взгляда запыхали у княжны щёки, хоть и не ей он был предназначен. Разговорившись с Митко, что оказался приятным юношей в общении, Мирина и не заметила, как валганка исчезла. Княжна оглядела лагерь в свете костров, но среди воинов и Данимира не обнаружила. Арьян же сидел в обществе воеводы и остальных гридней и, похоже, тоже ещё не подозревал о пропаже. Хотя ясное дело, почему те покинули становище. Мирина обратила взор в чащу, в заросли высоких папоротников, поёжилась от стылого прелого дыхания, исторгаемого дебрями.

- Страшно здесь, - призналась Мирина.

Митко, запив квасом съеденный сухарь, утёр по-мальчишески рукавом уста.

- Угу, а по этой тропе и вовсе никто не ездит, много здесь народу сгинуло. А в это время болотники шумят, пузыри пускают, ихние тут владения.

Мирине от его слов даже дурно сделалось. Почуяла, как толпа мурашек прокатилась по плечам, хоть сама она с тем никогда не сталкивалась, а дома, на родине, у них часто такое происходило - люди уходили по грибы да не возвращались, а те, кто возвращался, рассудок оставляли в лесу, на всю жизнь беспамятны делались. Всё же не нужно было княжичу отходить далеко, хотелось спрятаться, закутавшись с головой и не вылезать до самого утра.

- А ты ведь княжна? - вдруг спросил Митко, в раз обрывая её поднявшийся было страх. Спросил, что холодной водой окатил.

Мирина едва не подавилась сбитнем. Что ж, если от помощника княжеского нельзя утаить, то верно какой смешной дурочкой она казалась в глазах братьев. Тут же вспомнилась и ухмылка Данимира, он же просто смеялся над ней. И от этого осознания жутко стыдно сделалось.

- Заблудилась только, - ответил он вместо неё тут же.

- Нет, с чего ты это взял? - мотнула головой.

Парень, не замечая её бледноты, хмыкнул.

- А с того. Видно же. Ты похожа на княжну Всеславу. А высокую кровь легко можно отличить по повадкам сдержанным, будто холодным, да по говору спокойному.

- Кто такая Всеслава? - вырвался вопрос, не успела его перехватить, поздно прикусив язык. Ей-то какое дело?

- Так князя Варкулы дочка из городища Орлецк. Она часто приезжает в Явлич к Арьяну. Невеста это его. В последний год так и сидит в стенах города.

- И сейчас там?

- А куда же ей деваться, - хохотнул Митко.

- Вот как... - протянула Мирина, отщипнула мяса, положила в рот, только от чего-то есть вовсе перехотелось.

Подавляя разыгравшуюся тревогу снова глянула на Арьяна. Он будто заметил её взор на себе, поднял глаза, столкнувшись с её взглядом. Вдруг очнувшись, завертел головой, не найдя брата, поднялся на ноги, и вдруг в той стороне гридни всколыхнулись. И не успела Мирина ничего понять, как разорвал трухлявую зыбкую глушь пронзительный девичий визг.

Митко аж подпрыгнул на месте, и Мирина подскочила с подстилки, расплескав сбитень, нутро всё отнялось от страха, а руки и ноги онемели. Никак беда! Часть гридней, похватав оружие с земли, бросилась в чашу во главе с Арьяном. Мирина тоже дёрнулась было за ними, но Митко успел перехватить её.

- Куда ты?

Мирина, не слыша, вырвалась, вбежала в чашу за остальными.

Навстречу воинам выбежала Лавья. Одна. Глаза застывшие, остекленевшие от ужаса, и смуглая её кожа стала бледной, как поганка, лицо исказилось страхом. Арьян подступил к ней. По сравнению с девкой показался скалой грозной, того и гляди придушит, стоит только пальцами чуть шею сдавить. Он схватил её за плечи, встряхнул.

- Где он?

Лавья и слова вымолвить не смогла, ткнула только пальцем в заросли.

Выпустив её, Арьян бросился сквозь кусты, затерявшись в дебрях, кто-то из мужчин, бранясь последовал за ним. Мирина было рванулась тоже, но крепкие руки, не то, что у Митко, не просто остановили - в землю втолкли.

- Куда ты, девка глупая! Там болото, - услышала она басовый голос, кажется, Мечеслава.

Послышались всплески воды и снова раздался крик, но теперь уже мужской, и голос это был Данимира, какой-то дикий, обезумевший, до нутра пробрал. Мирина всматривалась в лес, ожидание затягивалось, никто не выходил. Наконец, донёсся треск сучьев, и факелы выхватили вышедших братьев. Арьян насильно волок за собой Данимира, тот упирался, вырывался, порываясь бежать прочь без оглядки. Мирина задереженела, так и пристыв ступнями к земле. Данимир был и впрямь обезумевшим, на нём остались только одни порты, сам он был вымазан чем-то чёрным, будто смолой. Мирина сорвалась с места, протискиваясь через обступивших княжичей гридней.

- Очнись же! - бил его по щекам Арьян, встряхивая.

Данимир от тяжести его руки на время затихал, но потом заново бился на земле, как пойманный зверь, по-прежнему не понимал, где он и что с ним.

Мирина, сама не зная, что делает, упала на колени рядом. Прибил девушку ледяной взор Арьяна - мол чего надо.

- Позволь, - попросила она, настояв на своём.

Тот не сразу, но подпустил её, уступив, всё так же держа крепко Данимира, да один не удерживал, без помощи других мужей и не обошлось. Мирина, вобрав в себя больше воздуха, смахнула с лица тёмные влажные кудри, что облепляли лицо мужчины, на миг, но всё

внутри пошатнулось, когда увидела мечущийся взгляд княжича, который совершенно не замечал никого вокруг и видел что-то другое, то, что от остальных было сокрыто.

- Он в навь вступил, - сказала она, поняв, в чём дело.

- Не трогай меня! - вдруг крикнул Данимир. - Уйди!

Казалось, Мирине он говорил, да не ей, а тому, в чьи руки он попался.

- Тише, - Мирина взяла его лицо в ладони, огладила мокрую, холодную, как лёд, кожу, смахивая бегущие с волос струйки воды, вынуждая смотреть только на неё. У Данимира зуб на зуб не попадал, свело судорогой ноги - плохой знак.

- Здесь никого нет, только я и ты, я вытащу тебя, только не иди за ним, не слушай, - сказала она спокойно, не выпуская из внимания его до самых краёв радужки расширенные зрачки, холодные, пустые, судорожно вспоминая знание, которому учил её отец. Оно никуда и не уходило, крылось в ней всё это время и только сейчас пробудилось, ладони закололо сотнями игл, разлилось по рукам тепло. - Здесь никого нет, - повторила, - мы одни с тобой. Веришь мне? Видишь меня?

Впрочем, силу она в плену растеряла, а точнее, с той поры, как ушёл из мира яви отец. Она об этом будто забыла, словно забвением охваченная.

Но всё же тепло проливалось из ладоней, Данимир быстро закивал, сглатывая тугу, смотрел на неё и будто сквозь неё.

- Со мной, здесь я, - всё повторяла, понизив голос.

Княжич судорожно дышал, втягивая воздух резко, будто загнанный мерин. Мирина ощутила под ладонями, как напряглись до предела его мышцы. Он поначалу дёргал головой от её прикосновений, как огнём обжигался, но постепенно дыхание его выравнивалось, а мутный взор помалу да прояснялся, приобретая осмысленность, зрачки стали сужаться.

- Соль. Дайте соль, - велела Мирина.

И тут же в ладонь лег кожаный мешочек - соль имел при себе каждый воин. Всыпав в ладонь белых крупиц, Мирина поднесла их к губам Данимира.

- Попробуй.

Он смотрел на неё неотрывно и, казалось, не слышал её просьбы - всё ещё не узнавал. Мирина, проявив настойчивость, ближе поднесла ладонь, и он послушно попробовал. Воспользовавшись тем, княжна всыпала ему в рот всю горсть.

- Что ты делаешь?! - перехватил было её руку Арьян, что молча следил всё это время за ней, не вмешиваясь.

Данимир скорчился, опрокинувшись на землю, начал плевать и приходить в себя.

- Навь отступила, - сказал с облегчением кто-то из мужчин.

- Вы что, меня отравить хотите? Что за дрянь? - вытираясь, кривился княжич, но всё ещё был слаб, чтобы самому подняться.

Арьян подхватил под руку брата. Мирина выдохнула и вновь погрузилась в прошлое, думая об отце.

- Уходим отсюда, - оправился первым Арьян. Он помог подняться Данимиру, одарил девушку благодарным взглядом.

По пути Мирина заметила, что Арьян, как и Данимир, был насквозь мокрый, верно поймал безумного уже в болоте. И от этого комом снежным упала тяжесть.

Митко, что сидел возле костра, бросился к вернувшимся, за ним и остальные. Лошади беспокойно стояли у деревьев.

- Где она? - спросила Мирина, не находя валганку.

Отрок кивнул в сторону палатки. Видно испугалась бедняга, спряталась, с таким верно ещё и не сталкивалась. Мужчинам нужно было переодеться, и Мирина поспешила вернуться к своему огню, стараясь не слышать обрывки рассказов Данимира. Девичьи уши и вовсе не

должны были услышать, чем они там занимались, когда навь подкралась к ним незаметно, утягивая княжича за ноги в свои владения.

Просидела Мирина долго, вглядываясь в огонь, слушая всхлипы валганки, но вскоре и они стихли, и постепенно дрожь сошла вместе с испугом, накатила сонливость. Мирина не заметила, как к ней подкрался кто-то, вздрогнула, когда Арьян уже опустился рядом к костру. Долго посмотрел на девушку, и снова сжалось всё внутри от его близкого присутствия, и верно будет так каждый раз, когда он посмотрит на неё.

Арьян вдруг протянул руку, касаясь пальцами подбородка, стирая с лица её что-то - видно испачкалась, когда пыталась успокоить Данимира.

- Как он? - спросила она.

- Уснул, - ответил княжич приглушённо. - Как ты узнала...

- Ведал отец... - Мирина запнулась, едва не сказав о князе, - и мне заверял, что соль отгоняет всякое скверное, чуждое человеку, соль и на ночь ставят у изголовья, когда головная боль или кошмары мучают. А тут ещё и вкус пробуждает, приводя в чувства. Не утянул его болотник за собой.

- Значит, я, получается, твой должник.

- Нет, можешь считать, мы в расчёте, - Мирина возымела твёрдости ответить и посмотреть в глаза долго, и первая не отвела взора, хоть далось ей это с большим трудом.

Но не успел он попытаться возразить, Мирина опередила его.

- Ты мне дал свободу.

- Разве? Не имей ты храбрости...

- Она бы не появилась, если бы вы не приехали в лагерь, - с каждым сказанным словом делалось легче, не ожидала такого Мирина, будто сбрасывала с заплечного мешка камни, что тянула за собой всю дорогу.

Княжич нахмурился, хотел ещё что-то спросить, но от чего-то передумал.

- Хорошо, пусть так. Но говорить ты, как я понимаю, по-прежнему не хочешь, кто ты?

Мирина затаила дыхание, будто сейчас земля под ногами уйдёт, уже пошатываясь.

- Не простым был твой отец, князь Радонег. О том, что ведал, я не знал, - выдохнул Арьян, меняясь в лице, обращая на Мирину пронизательный взгляд. - Я всю дорогу думал... - опередил её княжич, не стал пытаться, пожалел. - Слышал, что зимой пропала княжна из острога Ровицы. Стало быть, ты и есть?

Мирина коротко посмотрела на него, невыносимо было тонуть в его взгляде, словно в тех самых чёрных озёрах в лесу, спрятанных мхами и сетями корней. Моргнула, резко отворачиваясь к огню, сжимая подрагивающие пальцы в кулаки.

- Я.

Повисла тишина, лишь слышны были потрескивание сучьев да тихие переговоры гридней, которые тоже знатно перепугались. Воины воинами, а перед навью - миром духов, что перед смертью, все равны. Мирина вдруг вспомнила, как княжич бросился в топь спасать Данимира, и холодно сделалось, но верно не за себя он думал, за брата, а могли бы сгинуть оба. Мирина от подобных раздумий повела плечом.

- Поедешь с нами в Явлич, - решил Арьян, сказав твёрдо, нарушив затянувшееся молчание, поднялся на ноги.

Княжна задрала голову, чтобы посмотреть на него.

- Одну я тебя уже не оставляю.

Глава 4

Глава 4

Вихсар крутил между пальцев выкованный из железа оберег размером с монету, вытертый до блеска одеждой и кожей. В сердцевине его были высечены руны, украшенные зернистой пылью. Что они значили, он не мог прочесть, чужой язык он хоть и изучал с детства, а до сих пор некоторые знания были от него сокрыты, непостижимы. Как и этот оберег, и сама его хозяйка...

Он зажал амулет в кулаке, сминая с силой. У воличей есть примета - коли оставил гость вещь, значит обязательно вернётся.

«Вернёшься».

Вихсар лежал на постели, слушая, как подвывает ветер, устремив задумчивый взгляд в тканевый купол. Бесшумно и воздушно вздымал ветер полог шатра, пуская внутрь сырой от прошедшего ночью ливня воздух. Он был прохладный - в степи поутру всегда холодно. Колочим клубком он прокатывался по остывшему от любовных утех нагому телу, принося волны дрожи. Вихсар думал о своей пленнице, думал, и всё больше разрасталась в нём буря. Гордая храбрая птичка, которую он подобрал в лесу, и которая улетела вчера утром, не давала покоя. Убежала. Он с самого начала знал, кто она, и всё равно привёз её в лагерь, и первое, что сделал - раздел её, содрав все эти многослойные одежды, что носили женщины воличей, все эти грозди украшений, срывал, будто мальчишка, залезший в чужой сад своровать поспевшие плоды. Он чувствовал власть и в то же время опасность, сладкое послевкусие от своей добычи. И это его забавляло, развлекало, раззадоривало ещё больше. Но так было только вначале. И нужно было остановиться, но он этого не сделал лишь потому, что она смотрела на него с такой дикой ненавистью и лихорадочной злостью. Она не тряслась от страха, как те малодушные шавки, что побыли в его плену, не было в её глазах блеска вожделения, как у этих развратных потаскух, которые горло грызли друг другу из-за того, кто окажется на этот раз в его постели. Если бы взглядом можно было убивать, то он, наверное, лёг бы тут же, поверженный, на землю. Вихсар взял её грубо, слишком, как оказалось, для её первого раза, не задумываясь о том, чтобы доставить ей удовольствие. Впрочем, он не старался ни для одной из своих наложниц, хотя долю снисходительности всё же к Мирине проявил, не стал терзать долго, удивляясь тому, что она была невинной. Такой же девственной и искренней была в этот миг первобытная ненависть к нему в её взоре. И даже тогда она не произнесла ни звука, терпела, снося его в себе. Он хорошо запомнил тогда её глаза, их необычный цвет, колюче-синий, как снежные дали, обжигающий морозом, потемневший, как грозное небо, от лютых смешанных чувств. Он никогда не видел такого взгляда, такого убийственного и живого одновременно. Сколько бы пленниц в его руках ни побывало, у всех только страх, страх, что вынуждал покориться и подчиниться. Вихсар даже ничего для этого не делал. А после того, первого раза он хотел видеть только её, любить только её, ласкать, смотреть в эти полные ненависти глаза не потому, что это доставляло ему удовольствие, а затем, чтобы увидеть в них смирение и покорность. И каждый раз одно и то же - ни тяжёлая работа, ни лишения не изменили её. И он доставлял ей столько боли и одновременно столько внимания, сколько должно принадлежать любовницам. Иногда он себя спрашивал, зачем ему это нужно? Зачем она нужна ему? Наверное, он впервые не знал ответа, не знал, что с ней делать. Отпустить или вернуть то, что должно принадлежать ему? Впервые он теряет. Вихсар такого допустить не мог - хан не должен ничего лишиться, иначе какой он хозяин, какой вождь? И кого теряет! Невольниц! Ему всегда всё доставалось по одному только движению мысли, желания. Никто никогда не смел его ослушаться, а она посмела. Посмела

смотреть дерзко, открыто, за такое он мог её иссечь до полусмерти или лишить глаз. Женщина не должна так смотреть на мужчину, на своего хозяина, на хана. Каждый раз, как только он в вдавливал её в постель, нанизывался на этот острый, как нож, взгляд, холодный, как горный родник, и готов был придушить пленницу за это, и сдавливал её тонкую шею, и каждый раз останавливался, тонул в её глазах. Как посмела убежать!? Ведь знала, что с ней будет, когда он поймает её. А в том, что поймает, хан уже не сомневался. И мыслил, как иссечёт, а потом отдаст на растерзание сардарам. Он пообещал ей, а обещание своё никогда не нарушал. Едва только подумав о том, как другие будут касаться её, Вихсар вскипал от колкой ревности и гнева и ненавидел себя за подобные чувства, которые не должен испытывать к женщине, а уж тем более, к пленнице. Да и не сам ли он обещал любому, кто притронется к ней, оскопить? Выходит, он нарушает своё обещание дважды. Нет, он просто обезумел, лишился рассудка из-за своей нечаянной пленницы, свихнулся из-за неё, как сказал ему Угдэй и говорил уж не раз с тех пор, как княжна появилась в лагере. Угдэй - верный друг, и не просто друг, а выслуженный у него умелый воин - батыр, заработавший уважение и место рядом с ханом. Но даже его Вихсар не послушал, не прислушался к совету ни как друга, не как опытного, повидавшего многое человека.

«Каждый цветок на своём стебле распускается», - сказал Угдэй.

И как понять его слова? Да он и не желал понимать. Это его добыча, и она должна принадлежать только ему, Вихсару хан Бивсар.

Вихсар провёл ладонью по лицу, втягивая с шумом стылый воздух. Смятение все больше разрасталось смерчем, закручивалось воронкой в глубине души, свербя. Он не погнался за ней тут же только из-за Угдэя и теперь, по истечении двух дней, как загнанный зверь, метался по лагерю, по этому ставшему тесным шатру, не находя покоя. Это было ошибкой, наверное, первой за всю его жизнь - отпустить её с княжичами. Его тут же продрала свирепая ярость. Вихсар разжал кулак, посмотрев на вымазанный собственной кровью талисман. Как он позволил забрать её?! От одного представления, что рядом с Мириной будет находиться княжич из Явлича, слепли глаза, а уши глохли.

Вихсар резко сел, стиснул кулаки. Его пленница, его Сугар - именно так он называл свою невольницу, княжну из Ровицы, дочь Радонег. Он дал ей это имя за непокорность, воинственность, своенравность и красоту - Сугар. И красота эта была бесконечно далёкой. Вихсар вспомнил, как прибежала Хашин, надсмотрщица, оповестив его о том, что пропала воличанка. Он помнил, как поднял весь лагерь на уши, как ворвался в женский шатёр, раскидав по углам всех своих наложниц, напугав до смерти пленниц, но так и не нашёл её, не вытряс из этих куриц ничего путного. Он даже порывался отсечь им всем головы за то, что все разом лишились языка! А потом вернулись дозорные, сказав, что с княжичами уехала не одна девушка, а две. Сначала он не поверил этому. Как они могли её забрать, ведь он сам провожал гостей, видел, как уезжали?! Никогда он не испытывал такого приступа бешенства, он чувствовал себя обманутым. Его, Вихсара хан Бивсар, обвели вокруг пальца! Наверное, в тот миг он бы собрал войско и догнал их, если бы не Угдэй. Отчасти Вихсар ему благодарен, тот помог избежать неосторожного поступка, за которым могли бы быть скверные последствия.

Теперь поступит иначе...

Рядом пошевелилась Айма. Соскользнула шкура вниз, открывая стройные ноги с золотистой кожей. Длинные, чёрные, как вороново крыло, волосы девушки разметались по постели сетями. Давно он не видел рядом с собой Айму. Обычно Лавья оставалась на ночь, а в последнее время так и её не звал, а только... Вихсар сглотнул, ещё больше зверея. Лавью он отдал без всяких колебаний. Пусть та и была в прошлом его любимицей, только минувшим летом подарил её вождю брат Айшат, а ни разу со дня ухода Лавьи он не сожалел о своём решении, об одном только сожалел, что не приказал в те дни, когда гостили в его шатре княжичи, следить за пленницей пристально. Вихрь гнева достиг своего предела, но Вихсар внешне оставался спо-

коен, поднялся с постели, подобрав с сундука шёлковую рубаху - пора всё решать. Он знает, что эту стихию, данную Тенгри, лучше сберечь для другого дела. Вихсар умел проявлять терпение и выдержку. Умел ждать. И знал, что обязательно за это получит вознаграждение. Он вернёт то, что ему принадлежит, во что бы то ни стало, и пусть Угдэй больше не пытается его остановить, Вихсар возместит всё сполна, в этом он не сомневался ни на крупницу. Иначе ему не быть сыном великого хана Бивсара!

Тёплые ладони легли на его спину, прерывая бурлящие размышления, огладили плечи, скользнули к поясу. Рубаха выскользнула из его рук, Вихсар поймал женские запястья прежде, чем наложница подарила ему первую волну удовольствия. Но вдруг передумал, позволив ласкать себя. Айма обошла его медленно, глядя ещё сонно и вместе с тем притягательно из-под густых тёмных ресниц. Наложница была хороша собой, у брата есть вкус к женщинам. Она плавно опустилась перед вождём на колени, и мягкие губы коснулись вновь восставшей плоти. Одновременно ладони девушки скользнули вверх по его бедрам к паху. Вихсар, собрав в кулаки шёлковые волосы, закрыл глаза, чуть откинув голову назад. Он не сомневался, что на волнах блаженства увидит другую. Ту, чьи волосы белым золотом струились по плечам, по полным грудям, по округлым, молочным бёдрам. Только видел он в её глазах не стальной блеск отчуждённости, что вспыхивал, когда она оказывалась в его постели, а ласку, как ему того хотелось. Обхватив затылок девушки, уже на грани взрыва он приблизил Айму плотнее. Наверное, наложница на миг потеряла дыхание, потому что он ощутил, как та застыла камнем, но не могла воспротивиться хозяину, да и не хотела, стараясь угодить ему и доставить как можно больше удовольствия, чтобы он назвал её своей любимой и одарил драгоценностями. Она ведь сама сползла с постели, как кошка, приластившись к его ногам. Сугар же он стаскивал насильно, насильно ставил на колени. Как будто и сейчас она стояла перед глазами, полосую его свирепым взглядом - он видел, как вздрагивают крылья носа, дрожит дыхание и мягкие розовые губы, когда принуждал исполнять его желания. И каждое движение для неё будто маленькая смерть в глазах. И сколько же силы было в этой хрупкой пташке, чтобы вот так каждый раз сопротивляться, делая только себе хуже. И всё же она боялась его. После того раза, как впервые сбежала, тогда он сам иссёк её, а во второй раз ещё сильнее, тогда она немного, но ослабила сопротивление. Вот только от этого ему не стало легче, и это страшно злило.

Разлилась темнота, затмевая, словно чёрная луна, все мысли и видения. Брызнув семенем, Вихсар открыл глаза, но сидящей на полу он хотел видеть не Айму, а свою пленницу. Вождь выпустил наложницу. Взгляд девушки вдруг потускнел, опустился на его грудь, где висел вместе с родовыми оберегами талисман, чуждый для их племени, мелькнуло во взоре и тут же погасло смятение, будто только сейчас она заметила его, заметила и всё поняла.

- Пошла вон, - спокойно сказал хан, получив своё, отступая.

Ресницы Аймы дрогнули, она растерянно опустила взгляд, отводя его в сторону, тень обиды легла на её лицо, но Вихсара это нисколько не волновало. Наложница послушно поднялась, отыскав своё платье, оделась и молча вышла, не заставляя своего хозяина ждать и гневаться. Вихсар подобрал рубаху, спешно надел. Прохладный шёлк приятно лёг к коже, успокаивая. Натянув штаны и накинув стёганный кафтан с косым запахом и бурой, как сок брусники, подстёжкой, опоясался. Шагнул за полог, окликнул стражника.

- Где Угдэй? Позови мне его сюда, - велел хан.

Коренастый мужчина в лисьей шапке и с длинными, топорщащимися из-под неё чёрными косами после выхода наложницы уже был готов к распоряжениям. Коротко кивнув, пошёл вглубь лагеря. Сырой туман окутал становище водяным панцирем, лишь вырывались клубы дыма из него, поднимаясь в розовеющее с востока небо. Тянуло с лугов сладковатым ароматом медуницы, смешанным с запахом дыма. Сугар пахла именно так, сладко, как цветущий луг, а дым только забил этот запах.

«Каждый цветок распускается на своём стебле...»

Вихсар, задёрнув полог, вернулся в шатёр, в главную его часть, где горели языки пламени перед высеченным из воловьей кости изваянием божества. Сегодня был день поминания его матери, и для неё горели все эти огни всю ночь, здесь же стояла плошка с зерном и мёдом. Хан опустился перед алтарём на колени. Никто никогда не видел, как он обращается к высшим силам, кроме отца, братьев и матери, которой не стало прошлой зимой. Именно поэтому он не мог оставаться на месте. Собрав своих верных людей, покинул родовое гнездо, отправившись на север, к Ряжеским лесам, и объезжает их теперь уже целый год... Год пронёсся как один день, а эти два дня терзаний тянулись бесконечно долго. Матушка любила всех своих сыновей одинаково, но его - Вихсар только сейчас это понял - больше. Вот только за что, не мог понять. Он был самым взбалмошным и непослушным, а взрослея, иногда нарушал веления отца, как, впрочем, и в последний раз, когда покинул его. Бивсар был против его отъезда.

Вихсар протянул руку к огню. Языки лизнули ладонь, обжигая, просачиваясь сквозь пальцы, но он не чувствовал этого, предавшись раздумьям. Разглядывал желтоватые прорези в кости, суровый взор Воина Сۇльде, ряд ровных зубов, которые то ли впились в сталь щита, что Бог держал в руках, то ли устрашающе и гневно скалились. Вот и Вихсар иногда, казалось, так же яростно впивается зубами в свою жизнь и не может никак распробовать её вкуса. А иногда показывал он ей свои зубы, скалясь в волчьем оскале, будто на врага. Потому что жил он по одному закону - всё или ничего.

Вихсар убрал руку, почувствовав, как ладонь начало жечь. В шатёр неожиданно хлынул поток света, накрыла холодная тень.

Угдэй громадной глыбой вошёл в шатёр, и сразу стало тесно. Выглядел он мрачно, видно уже знал, зачем хан зовёт его в столь раннее время. Батыр глянул в сторону алтаря, потом на Вихсара и помрачнел ещё больше, так что прибавилось даже лет ему на вид. Хотя он был немного старше Вихсара, но сейчас взор его был не яростным, плещущим силой, а скорбным. Горечь от потерь близких, друзей по оружию, вынуждала крепнуть и обрастать корой быстро.

- Вздумал, значит, идти по следу? - голос его густой смолой накрыл, а Вихсар не привык к тому, чтобы с ним разговаривали таким тоном.

Вождь поднялся во весь рост и оказался выше своего друга, впрочем, он даже от своих братьев старших отличался изрядным ростом, хотя те были куда матёрей его.

- Я хочу всего лишь вернуть свою добычу.

Угдэй пожевал губами, вновь проявляя недовольство его решением.

- Я поеду с миром. Тем более, сыновья Вяжеслава приглашали меня в своё княжество, вот и не заставлю их долго ждать.

- А ты уверен, что она осталась с ними, а не на пути уже в Ровицу?

Вихсар хмыкнул, прошёл к наполненному едой и питьём подносу, что стоял на резном столике, подхватил чару, поднёс к губам, отпил рябинового вина. Жидкость обожгла горло, согрела. Оторвавшись, Вихсар кивнул на столик, приглашая и Угдэя угоститься. Тот только качнул головой.

- Я знаю, что она с ними, - молвил вождь.

- Если завяжется вражда... мы... у нас слишком мало людей...

- Поэтому ты здесь, Угдэй, я звал тебя, чтобы дать тебе поручение, - Вихсар наполнил чашу из кувшина бардовым вином, протянул воину. - Ты поедешь к хану Бивсару с моей просьбой дать мне войско.

Лицо батыра вытянулось, он не выпускал вождя некоторое время из-под своего изумлённого взгляда, а очнувшись, принял угощение из его рук, отпил, оставаясь задумчивым.

- Я не могу всё так оставить, и ты должен это понимать, - начал говорить хан, снимая пояс со спинки кресла. - У меня её украли, увели из-под носа. Ты хочешь, чтобы печать позора всю жизнь жгла мне душу? Какой я тогда воин? Как я предстану перед вечностью, перед своим предками, братьями, отцом, всем племенем, зная о том, что надо мной посмеялись? Я после-

довал совету Бивсара, и я сохраню с воличами мир. - Вихсар замолк и тут же поправил сам себя: - Постараюсь.

Воин слушал молча, водя взглядом по лицу Вихсара, будто выискивал что-то, хотя чего он ожидал? Знал-то его не первый год.

- Это их женщина, их племени они не отдадут...

Вихсар подступил к Угдэю так быстро, что тот застрял на полуслове. Острый взгляд вождя пронзил, будто шипами.

- Ты слишком много говоришь, батыр, исполняй то, что я велю.

Глаза Вихсара потухли и вдруг разом выцвели. Князя Радонегу уже нет в живых, а договориться с женщиной ему не составит труда. Тем более, насколько он знал, мать у Сугар не родная.

- Пусть Великий Тангрин наделит тебя мудростью и яростью вепря, хан, - сказал Угдэй и чуть склонился в пояс.

Вихсар замер. Много лет идёт их дружба, а одно всего лишь непонимание враз сделало их чужими. Хан сдержал вспыхнувшую было ярость. Не такого он хотел разговора, но видимо, тому суждено быть.

- Иди, - сказал, поставив свою чашу.

Угдэй было ступил к выходу, но застопорился вдруг. Вихсар выгнул бровь, готовясь слушать.

- Позволь отправить Алтана.

- Почему его? - спросил он, успокаиваясь совсем.

- Потому что я не хочу оставлять тебя одного и последую за тобой всюду, куда бы ты не устремился.

Вихсар вернул на него задумчивый взор. Угдэй смотрел неотрывно и твёрдо. Хан отвернулся, подхватывая саблю.

- Я ценю твою верность, Угдэй, и хочу, чтобы ты научился мне доверять, - хан взял сушёный абрикос и положил в рот. - Делай, как считаешь нужным, главное, чтобы было исполнено.

Вихсар отвернулся, дёрнул клинок из ножен, слушая сначала тишину, а потом шаги. Хлынул и погас густой утренний свет.

Теперь, когда волна злости спала, Вихсару стали понятны тревоги батыра. Как бы он ни ярился, а Угдэй прав. С теми воинами, что есть у него в лагере, не взять осадой даже острог. Но он и не собирался развязывать с воличами войну. Если, конечно, никто не встанет на его пути. А на этот случай войско ему нужно.

Поймав своё отражение на гладкой стали, хан застыл, видя чёрные, полные каким-то диким ядовитым блеском глаза, резко вложил саблю обратно.

Глава 5

Глава 5

К посадку подъехали только в обед, когда меж построек уже струился такой дым и чад, исходивший от кузен, что невозможно было разглядеть дороги дальше, чем на три сажени. Арьян, отправив дружинный отряд в город, не стал глубоко заезжать. Остановился на окраине, у небольшого малолюдного постоялого двора, и договорился с хозяином прибежища, чтобы тот отыскал для него самую спокойную, сухую, светлую и тёплую клеть - лучшую, что есть у него. Княжич оставил девушек в хоромине, а сам отправился с Данимиром и Митко на торг. Там они пробыли больше времени, чем задумывал Арьян. Выбирать одежду для девицы доводилось впервые, и если бы не Данимир, который более-менее разбирался в красоте и нарядах, до самого вечера, пока небо не позеленело, слонялся бы, огибая в который раз торжок. Да и к тому же чуть ли не каждый торговец, увидев княжичей, зазывал их к своему прилавку. Стоило бы отправить Митко одного, но ему такого поручить было нельзя, мальчишка ещё меньше соображал в женских побрякушках, чем сам княжич. И наверное, Арьян не устал так никогда. Да и солнце пекло столь сильно, что нечем было дышать, поднималась от ещё влажной, не успевшей просохнуть земли духота.

- Значит, всё же решил отвезти её сам к родичам? - спросил Данимир, даже не глянув на брата, задумчиво разглядывая в руках драгоценность. Он для валганки не забыл раздобыть первый ей подарок - тонкой чеканки браслет, усыпанный яхонтами.

Арьян, повесив на седло Митко все вещи, что приобрёл на торжке, подступил к жеребцу, расправляя узду.

- И не я один, ты поедешь со мной. Не могу тебя оставить одного.

Данимир хмыкнул, но промолчал. Арьян бросил на брата быстрый взгляд. После того, как Навь едва не утащила его, Данимир ещё долго отходил, пришлось задержаться до обеда в том лесу, чтобы княжич выспался, как следует. Да и потом был долгое время сам не свой, и только когда выехали из леса, значительно оживился, приходя, наконец, в себя. Однако всё же заставил изрядно поволноваться.

- Не смотри ты на меня волком, - Арьян поднялся в седло.

- Да нет, я просто думаю, что ты мог бы отправить её с кем-то другим, - отозвался Данимир, бросая в мешок драгоценность. - Вижу, разволновала тебя наша беглянка? - усмехнулся он.

Арьян, тронув пятками бока жеребца, пустил его по дороге, намереваясь прекратить этот пустой разговор. Всю дорогу до постоялого двора ехали молча. На подворье, переговорив с хозяином прибежища и дав распоряжение беречь гостью от чужого внимания, старший княжич поднялся на верхний ярус терема и ещё с лестницы услышал голос Лавьи. Говорила та приглушённо и сдавленно, словно змея шипела - ничего не разобрать. Он и не стал прислушиваться, вошёл в приоткрытую дверь и успел только заметить, как валганка отскочила в сторону, а вид у Мирины был такой затравленный, будто у пойманной волчицы. Она отвела глаза. Арьян окинул её внимательным взглядом, пальцы девушки дрожали. Тут же, прервав молчание, вошёл Митко с набитыми до отказа мешками. Мирина, увидев ношу отрока, поднялась с лавки озадаченной. Арьян молчаливым жестом велел поставить мешки на сундуки.

- Спускайся во двор, - велел Арьян валганке. - Митко, проводи.

Короткое распоряжение было исполнено быстро. Лавья, проходя мимо, глянула так, будто кипятком ошпарила, настолько жгучими были её карие глаза. Дверь за ними закрылась.

- Всё хорошо? - спросил княжич у Мирины, проходя вглубь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.